

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ЖИЗНИ СЪВЕРНАГО КРАЯ
„ИЗВѢСТІЯ
Архангельскаго Общества
изученія Русскаго Сѣвера“.

1914 г. № 7-й. 1 Апрѣля.

О разведеніи соболей.

(Посвящается В. А. Чумикову).

Вотъ уже цѣлый годъ охота на соболя находится подъ законными запретами: это положеніе продлится еще два года. За охоту на соболей и продажу шкурокъ этого животнаго виновные подвергаются денежными штрафами или тюремному заключенію.

Любопытно, что эта строгая мѣра выпрошена у правительства нашими промышленниками, признавшими, что если охота на соболя будетъ идти съ такой же безоглядною жадностью, какъ это было до сего времени, то отъ драгоценнаго звѣрька не останется и воспоминанія... Поэтому необходимо было хотя на три года создать для соболя болѣе или менѣе спокойное существованіе, дабы звѣрь могъ за этотъ срокъ размножиться. Поможетъ ли эта мѣра—трудно сказать! Видѣнадо же имѣть въ виду, что слѣдить за исполненіемъ строгаго закона въ безбрежной тайгѣ весьма затруднительно, а большинство охотниковъ на соболя—полудикіе инородцы—и не знаютъ о существованіи изданнаго закона... Соболей обреченъ на истребленіе, и поддержать существованіе этого звѣрька могутъ только правительственные заповѣдники, да искусственное разведеніе его съ промышленною цѣлью.

Однако, прежде чѣмъ трактовать именно объ этомъ разведеніи, думается, небезынтересно коснуться историческаго прошлаго этого драгоценнаго чисто русскаго звѣря.

Во время оно соболей добывался многими десятками тысячъ ежегодно; теперь же, т. е. до запретнаго года, его добыча не превышала 7—8 тысячъ штукъ. Когда-то соболей занималъ собою странно широкую территорію, теперь же онъ жмется лишь въ самыхъ отдаленныхъ западныхъ сѣверо-восточной Азии, и охота на него носитъ уже не промышленны, а чисто случайный характеръ. Для насъ, русскихъ, соболей имѣетъ великое значеніе. Недаромъ говорятъ сибирскіе звѣропромышленники, что Сибирь завоевывалъ не Ермакъ, а соболей. Только благодаря высокоцѣнной шкуркѣ этого звѣрька, на Сибирь начали наступать предприимчивые русаки, и первые пункты заселенія богатаго края едва ли не были указываемы мѣстонахожденіемъ соболя: тамъ образовывались промышленныя станицы и стойбища, тамъ устраивались

торжки пушнины, въ которой всегда главнствовали дивный мѣхъ соболя...

Еще задолго до Ермака русскіе люди вымѣнивали у сибирскихъ инородцевъ шкурки дорогого звѣрка за ножи, котелки, трубки и—главное—за водку... Сибирскіе дикари страшно удивлялись на русскихъ, что они отдавали такія дорогія и необходимыя сибирякамъ вещи—за шкурки заураднаго для нихъ звѣря, употреблявшіяся иногда на подбивку лыж!

Уже въ XIII в. новгородцы понемногу выдѣрялись въ земли югровъ, вымѣнивая или отбирая силою мѣха соболей, бобровъ и лисичъ. Въ XIV в. уже и московскіе люди учуали, гдѣ можно лѣзъ живыхъ соболей шубы шить и напирали на Сибирь все гуще и тѣснѣе... Когда въ 1581—82 гг. казаки Ермака овладѣли сибирскимъ царствомъ, куницы Строгановы, при помощи которыхъ это произошло, и до этого вели торговлю драгоценною сибирскою пушиною, и насколько въ то время цѣнился именно соболей мѣхъ, видно изъ того, что Ермакъ, кланяясь Іоанну IV сибирскимъ царствомъ, прислалъ Грозному 2600 шкурокъ этого звѣрка. Вообще этотъ мѣхъ былъ въ большомъ употребленіи, завался богатѣе невѣстамъ въ приданое, имъ же награждался бояре, послы при иностранныхъ дворахъ всегда снабжались соболями въ громадномъ количествѣ. Почти все сибирскіе инородцы платили московскимъ царямъ дань соболями шкурками.

Охота на соболя—это цѣлый культъ. Не только у дикарей, но у русскихъ звѣровщиковъ она обставлена длиннѣйшимъ рядомъ сложныхъ обрядовъ, повѣрій, молитвъ, примѣтъ и заклинаній... Промышленникъ, выходящій за соболя, опутанный этими вѣрованіями, нерѣдко совершенно измѣняетъ весь свой обычный режимъ, манеры и даже говоръ. По какимъ-то таинственнымъ соображеніямъ, во время охоты на соболя промышленникамъ нельзя называть нѣкоторыя существа и предметы своими именами; для этого имѣются спеціальныя названія: напр., баба называется шелухою, дѣвка—протыгаю, корова—зыкушею, свищя—низкоглядкою, кошка—зачечонкою, воронъ—верховымъ и т. д. Многіе охотники на соболя считаютъ неумѣстнымъ на промыслѣ чихать, зѣвать, плевать; иные, молясь, крестятся лѣвою рукою, кланяются вѣдво.—словомъ, много продѣлываютъ странныхъ чудачествъ...

Чѣмъ чернѣе и пышнѣе шкурка соболя, тѣмъ она считается лучше и дороже. Лучшій мѣхъ долженъ имѣть длинную, частую и блестящую остъ и голубоватый отливъ—“воду”, которая придаетъ цвѣтомъ подиуши. У типичнаго соболя туловище покрыто темнобурою шерстью съ примѣсью отдѣльныхъ бѣлыхъ волосковъ; хвостъ темнѣе, лапы нѣсколько краснубуры, а бока головы, шея, части вся голова, также—горло отличаются болѣе свѣтлымъ цвѣтомъ, такъ что животное издала имѣеть какъ бы бѣловатую голову и такое же, или буровато-желтое горло.

Лучше въ мірѣ соболя водятся въ развѣтвленіяхъ Яблоноваго и Станюгова хребтовъ и известны подъ именемъ якутскихъ. Вообще же, чѣмъ низменнѣе мѣстность, тѣмъ звѣрь имѣеть болшій ростъ и болѣе свѣдлую шерсть, чѣмъ сѣвернѣе, чѣмъ далѣе въ глубь материка, чѣмъ въ то же время выше въ горахъ, тѣмъ чернѣе и сильнѣе блескъ его шкуры. Хорошіе соболя живутъ у истоковъ рѣкъ, въ лиственничныхъ лѣсахъ; второе мѣсто занимаютъ соболя—пихтовики и ѣльники; послѣднее—бердовики. Климатъ, мѣстность, растительность и нища, конечно,

суть главные факторы многообразной измѣчивости окраски и прочихъ качествъ мѣха соболя. Мѣховики прекрасно разбираются въ массѣ мѣстныхъ сортовъ соболей и безошибочно опредѣляютъ ихъ. Вотъ эти нѣкоторые сорта по степенямъ своего достоинства, принятымъ на ирбитской ярмаркѣ: якутскіе, баргузинскіе, аргунокіе, спычинскіе, енисейскіе, прытшскіе, березовскіе, минусинскіе, красноярскіе, томскіе, монгольскіе и т. д. Однако, этотъ порядокъ не непоколебимъ, — напротивъ, онъ весьма измѣчивъ въ зависимости отъ погоды и др. уже указанныхъ причинъ. Средняя стоимость шкурки высокаго качества — 250—500 р.; худшаго 25—50 р. Но бываютъ соболя по тысячѣ рублей в дорожѣ. 7-го февраля 1909 г. на ирбитской ярмаркѣ была продана шкурка „голубого“ соболя за тысячу рублей, о чемъ сообщалось телеграммами во всѣхъ газетахъ.

Съ незапамятныхъ временъ звѣроловы выбирали изъ норъ соболя и вскармливали ихъ дома коровнымъ молокомъ или же молочною кашкою. Такъ называемое „избенное“ соболеводство далеко не рѣдкою и теперь въ Томской, Тобольской, Енисейской, Приморской и Якутской областяхъ. Тамашніе обитатели, поймавъ тяжелую соболюшку, держатъ ее подъ печкою или въ какомъ-нибудь хлѣвнукѣ, кормятъ рыбою или битую птицею и почти всегда получаютъ приплодъ и успѣшно выращиваютъ его. Отсюда, конечно, одинъ шагъ и до полного разведенія соболей въ домашнихъ условіяхъ посредствомъ свариванія. Разумѣется, туземцы дѣлаютъ и эти шаги. Правда, правильной постановки дѣла, примѣненія болѣе или менѣе рациональной системы тутъ уже нечего искать: разводится, ну, и слава Богу!.. Нужно только удивляться, при какихъ неблагоприятныхъ условіяхъ эти звѣры разводятся!

Какое себя чувствуютъ звѣры свободной тайги заключенными въ грязные сараюшки, запряганными подъ печки, или—въ специально вырытые ямы? Плпущему эти строки извѣстенъ случай, когда одинъ гольдъ на Сахалинѣ держалъ парочку соболей въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ—въ жестяномъ бидонѣ изъ подъ керосина!.. Гольдъ этотъ страшно жаждалъ развить свое дѣло возможно шире и очень сердился на своихъ соболей, что они плодились не каждый годъ!..

Несмотря на самыя примитивныя условія разведенія, наши дикіе соболеводы все же выработали кое-какіе спеціальныя приемы. Напр., замѣчено, что выращиваемые или выводимые въ пеловѣ соболя линяютъ раньше, нежели это происходитъ на свободѣ. Это не маловажный козырь. Туземцы соболеводы, однако, ухитряются и еще ускорить готовность шкурки: для этой цѣли они... ломаютъ соболю заднюю лапку! Угвѣряютъ, что искалѣченные звѣры даже и въ пеловѣ мѣняютъ свой мѣхъ раньше нормальныхъ звѣрьковъ. Также въ видѣ опытнаго приема у этихъ звѣроводовъ практикуется еще и слѣдующее: звѣры, подготовляемаго къ съемкѣ шкурки, кормятъ обильно; но затѣмъ, когда зимній мѣхъ уже созрѣлъ, кормъ убавляется постепенно, и звѣрыка доводятъ до полного истощенія. При голодовкѣ отсутствіе упитанности, жира создаетъ потребность сохраненія тепла въ наружныхъ покровахъ животного, вслѣдствіе чего развивается обильная и густая подпушь.

Мы уже видѣли, съ какою незамысловатостью разводятся соболя въ пеловѣ. И въ самомъ дѣлѣ, если эти звѣры способны благополучно спариваться—„хотя и не ежегодно!“—въ керосиновыхъ жестянкахъ, такъ неужели же это не является лучшимъ показателемъ, что тѣ усло-

вія, при которыхъ соболей можно принудить размножаться—вообще уже не такъ недоступны! Для нихъ совсѣмъ не требуется въ затѣянномъ питомникѣ разводить сибирскую тавгу, не надобно также опредѣлять подлѣ нихъ необходимыя площади.

Извѣстна не мало примѣровъ прирученія соболя почти до степени домашней собаки. Еще Стеллеръ разсказывалъ про Тобольскаго архіерея, у котораго жили ручныя соболы, бѣгавъ за хозяиномъ по улицѣ и лишь отъ встрѣченныхъ собакъ спасаясь на крышахъ домовъ или на плочѣ архіерея. Соболи,обычае въ ранней юности, при внимательномъ уходѣ ручиваютъ скоро и прочно. Особенно способны къ этому сажки. При выкнувъ къ хозяину, онѣ ведутъ себя, какъ кошки: ѣдятъ изъ рукъ на естѣ, лежатъ на колыбеляхъ вездѣльня, охотно лабраватся подлѣ отбѣло и тамъ спать, прижавшись къ тѣлу сидящаго чловѣка. Играющіе зѣбрыки представляють зрѣлище отбѣвнаго интереса. Для коммитаго содржанія, впрочемъ, они не весьма пріяты по своему запаху, сильно распространяющемуся по всей квартирѣ... Однако, соболы,обычае взрослыми, не очень скоро дѣлаются доврчивыми, и съ ними нужно быть очень осторожными: они отвязны и злы и, бросаясь на чловѣка, могутъ причинить ему опасныя укусы. Раздраженные, они долго и злобно рычатъ, фыркають, какъ-то особенно захлобывавель, верещатъ и въ судачѣ возможности набрасываются на кого-угодно вполнѣ безстрашно.

И. Зетокшъ, бр. И. М. и Н. М. Каринскіе, Крашенинниковъ, А. П. Сабаповъ, А. П. Дялинь—вотъ имена, удостовѣряющія легкую возможность прирученія соболя.

Любовная пора соболей начнется въ февралѣ, но иногда, смотря по широтѣ и абсолютной высотѣ мѣстности, въ январѣ и мартѣ: она тянется не болѣе 3-4 недѣль. Пресыщенные любовными ласками зѣбры послѣ этого расходятся, что необходимо помнить соболеводамъ и не тержать пары все время вчетѣхъ. Едва окончилась брачная пора, самка должна быть отбѣлена отъ самца: весь дальнѣйшій періодъ плодородности она должна проводить одна, болѣе постороннихъ самокъ и самцовъ. Самцы вѣбвають соболятъ, отъ того же не отказываются и чужія сажки. Въ апрѣлѣ или началѣ мая соболюшка мечеть отъ 2 до 4 стѣнныхъ и слабыхъ соболятъ, такъ что беременность соболихи продолжается отъ 2 мѣсяцевъ до 9 недѣль. Дѣтеныши прозрѣвають на 14-й день, растутъ быстро и скоро крѣпнутъ: черезъ 6-8 недѣль они бывають уже съ добрую бѣлку и охотно пользуются постороннею сѣдью, такъ что имъ можно давать мелока съ намоченной въ немъ булкою, сырыя яйца, мелкія куски мяса... Только къ осени они чуждаются матки, такъ какъ съ октябрю уже достигаютъ разбровѣ взрослого зѣбры. Чѣмъ старше самка (конечно, по извѣстнаго предѣла), тѣмъ болше она мечеть ребятъ. Въ виду того, что соболи и на полѣ нерѣдко скрещиваются съ кунницами, это обстоятельство нужно помнить и при разведеніи соболей въ неволѣ. Конечно, мѣхъ куній хуже соболяго, но кунница даетъ болше дѣтей (до 8-9 штукъ), чѣмъ соболь, и привить эту способность къ размноженію соболямъ является заманчивою задачей! Естественная помѣсь соболя съ кунницею порождаетъ такъ называемыхъ *пумсовъ*, существъ похожихъ на соболей и на кунницъ сразу. Помѣсь эта плодородна, а такія помѣси, какъ извѣстно, почти всегда имѣють многія преимудства надъ тѣми видами, отъ которыхъ происходятъ, и, наир., выведети власянь съ мѣхомъ хорошаго соболя и съ ростомъ и обиль-

нмъ плодородіемъ кунницы—это будетъ весьма выгодный результатъ! Способность измѣняемости даже и окраски мѣха наблюдается у соболей и на волѣ: въ одномъ гнѣздѣ соболушки находятъ часто разношерстныхъ соболей, что указываетъ на различіе шерсти спарившихся а также и на атавизмъ.

Для улучшенія шерсти воспитываемыхъ звѣрей и въ особенности для ея блеска рекомендуется давать имъ яичные желтки (сырые), которые соболы очень любятъ, а также хорошо примѣшивать въ кормъ рыбій жиръ; но эта примѣсь далеко не знакома для звѣрей: не вѣрны они ѣдятъ такое кушанье.

Вообще, выборъ пищи для нѣкоторыхъ соболей бываетъ иногда довольно-таки затруднителенъ, если пѣть подъ рукою молока, яичъ или какой нибудь мелкой живности. Напр., одни соболы прекрасно ѣдятъ всякія кашп, хлѣбъ, остатки отъ стола, супы, мелкія косточки, рыбу, печенку, сырое или вареное мясо, орѣхи, свѣжія ягоды; другіе отъ всего этого совершенно отказываются... Обильно кормить звѣрей не слѣдуетъ; измѣнить этому правилу можно развѣ лишь по отношенію беременныхъ или кормящихъ дѣтвора самокъ; всегда лучше, если соболы немного голодны: они выглядятъ оживленнѣе, бодрѣе, самцы отъ этого дѣлаются охотѣе до самокъ.

Соболей держать слѣдуетъ въ вольерахъ, обтянутыхъ проволоочною сѣткою съ ячейми не шире одного дюйма. Высокими эти вольеры могутъ и не быть: соболь звѣрь болѣе наземный и на деревья взиравшійся лишь въ крайнихъ случаяхъ, въ чемъ кунница съ нимъ сильно расходится, являясь звѣремъ чисто древеснымъ. Если эти вольеры построены непосредственно на грунтъ, то стѣнки вольеры должны углубляться въ землю не менѣе, чѣмъ на $1\frac{1}{2}$ или $2\frac{1}{4}$ арш. Хорошо также близъ самыхъ стѣнокъ, по грунтѣ, разложить въ арш. или $2\frac{1}{4}$ ширины особые настилы изъ тонкихъ жердей, сколоченныхъ на поперечины, отступя на 1 верш. одна отъ другой; могутъ быть эти настилы и изъ желѣз. сѣтки съ ячейками въ 1 верш. или въ 2 дюйма. Безъ этихъ предосторожностей соболы подкопаются и улизнутъ! Подъ просвѣчивающіеся же настилы они подкапываются не будутъ, ибо верхній свѣтъ не даетъ имъ впечатлѣнія полезнаго подпола; глубоко же соболы копать не стануть. Если вольера общая, ее все же необходимо раздѣлить на отдѣленія по числу обитателей. Хорошо, чтобы такія отдѣленія сообщались между собою калитками, крѣпко запирающимися. Во время любовной поры эти калитки можно открыть, дабы звѣрямъ было больше простора для бѣганья при ухаживаньи за самками... Въ каждомъ отдѣленіи должно быть крѣпкій изъ толстыхъ досокъ ящикъ, закрытый со всѣхъ сторонъ, лишь съ небольшимъ круглымъ отверстіемъ сбоку, ближе къ какому-нибудь углу. Ящики должны быть пригвѣшены повыше отъ земли въ укромныхъ мѣстахъ вольеры, но съ такимъ расчетомъ, чтобы звѣрь легко могъ прыгнуть въ отверстіе, для чего передъ послѣднимъ не худо придѣлать полочку. Такіе ящики должны быть набиты сѣномъ, которое умнутъ и расправятъ сами звѣри по своему вкусу. Полезно имѣть въ отдѣленіи по два такихъ ящика или же по одному двойному: дѣло въ томъ, что соболы очень чистоплотны, не любятъ гадить въ своемъ жильѣ и для „уборной“ избираютъ другой ящикъ по соедѣству. Всѣ эти ящики могутъ быть въ квадр. полуаршинъ ширины, при $1\frac{1}{4}$ высоты; отверстіе— $2\frac{1}{2}$ — 3 верш. діаметромъ.

Внутри вольеры не дурно имѣть посаженные елочки, — чѣмъ гуще, тѣмъ лучше. Кусты, шиш, коряги тоже полезны внутри ея. За цѣлостію сѣтки долженъ быть самый бдительный и неослабный надзоръ; деревянныя части (рамы) вольеры всегда лучше обращать наружу, такъ чтобы обивка ихъ сѣткой была съ внутренней стороны; иначе соболи перегрызутъ дерево. Возвращаясь къ вопросу о доступности разведенія соболя, необходимо замѣтить, что мѣхъ не только выродныхъ, но и вырожденныхъ въ неволѣ этихъ животныхъ по качеству бываетъ плоше, чѣмъ у звѣрьковъ, убитыхъ на свободѣ. Но смотреть на это обстоятельство, какъ на невыгодность и бесполезность затворнаго разведенія соболя, едва-ли будетъ основательно. Вѣдь, нужно имѣть въ виду, что всѣ до сего времени производившіеся опыты вывода соболей въ неволѣ носили болѣе случайный характеръ, чѣмъ систематическій и сознательный. Строгихъ и упорныхъ экспериментовъ на этой почвѣ у насъ почти вовсе не производилось. Только за послѣднее время кое-что слышно объ этомъ съ лучшей стороны, но, однако, лишь по части начинаній, а отнюдь не результатовъ, которыхъ еще, за недавностью началъ дѣла, и не могло быть. Но можно крѣпко надѣяться, что разумный подборъ производителей, лучшія условія содержанія непременно создадутъ и много доброкачественную шкурку заводскаго соболя. Какъ мы видѣли, соболь и на свободѣ весьма чутокъ къ разнообразнымъ причинамъ, измѣняющимъ цвѣтъ и другія качества мѣха. и не учитывать этого удобнаго его свойства нельзя. Американцы за какія либудь 15—20 лѣтъ создали изъ обыкновенной чернобурой лисицы совершенно черную съ наввысшимъ качествомъ мѣха, — то же самое можно сдѣлать и съ соболемъ. Надо знать, что соболь въ неволѣ охотнѣе спаривается, чѣмъ лисица, и это уже является великимъ козыремъ для грядущаго успѣха.

В. К. Анфиловъ.

Путевыя замѣтки.

(Отъ Каргополя до А.-Свирскаго монастыря и обратно).

Продолженіе. См. № 4 „Извѣстій“ за т. г.

Но вотъ — плывемъ. Изъ истока озера втягиваться въ рѣчку.

Вотъ она, шипучая, переличатая Свирь съ порогами, дамбами разливами, высокими гористыми берегами — порой лѣсистыми, мѣстами гладкими и украшенными, точно драгоценными камнями — красивыми погостами. Но это, пока — что, впереди...

Вотъ направо каменная скала, а на высокомъ берегу, прямо въ лѣсу, стоятъ дома пароходныхъ обществъ; тутъ же приспособленіе для починки пароходовъ и три-четыре пароходныхъ и судовыхъ остова.

Пароходъ съ нами тянетъ опять нару судовъ, груженныхъ иленинымъ лѣсомъ. Сегодня, кромѣ шкипера, ихъ сопровождаетъ главный начальникъ — „караванный“ (изъ приказчиковъ). Должно быть былъ *отличный*, потому что шкиперъ пьянъ, а другіе выпивши.

Вечерѣтъ. Караванный толкомъ старшаго спрашиваетъ шкипера:

— Чья у васъ вахта?

Пьяный пикиеръ придрался къ этому тону и въ отвѣтъ поднять крѣпкую, матерную брань—де, знай себя, а мы себя знаемъ!.. Караванный не остался въ долгу, и чуть было не дошло до драки.

Забираемся въ каюту и ложимся спать. Во тьмѣ на ложѣ пащупываю чей то старый лишній сапогъ, который кладу на прибавку къ изголовью.

Сожалѣю, что не увижу береговъ Свири.

Въ тѣло опять проникаетъ стужа... Когда-то мнѣ приходилось сидѣть вплотную съ краснымъ теленкомъ, и отъ него чувствовалось очень тепло—вспоминая это, я мысленно очень желалъ, кабы здѣсь, въ каютѣ, былъ не только что теленокъ, но и бычекъ порядочнаго размѣра!.. Вотъ бы было тепло!

Раздавались свистки встрѣчныхъ пароходовъ, слышались шаги вахтеннаго, пока я не пересталъ принимать во всемъ этомъ участіе. Проснувшись, почувствовалъ, что холодъ проникъ въ кости, и что судно стоитъ. Выхожу наверхъ, все было покрыто бѣлымъ налетомъ инея. Заря предвѣщала скорый восходъ. Въ видѣ густыхъ бѣлыхъ облаковъ разбѣгался туманъ. Надъ головой, громко крича, пролетѣли гуси. Оказалось, что мы стоимъ у погоста Княжій-Боръ, всего въ пяти верстахъ отъ Вознесенья, и именно по причинѣ тумана. Съ лѣсастаго берега весело глядѣли бѣлые храмы погоста.

Кромѣ насъ, на рѣкѣ стояло еще много судовъ и пароходовъ.

Скоро забѣгали коренные, вытягивая якоря и поправляя различныя снасти. Прицѣпился пароходъ. Начался красный поворотъ каравана среди облаковъ тумана и свѣтлыхъ блестящихъ серебристой ряби... Здѣсь къ судовымъ шкиперамъ присоединились еще другіе мастера-люцмана, смѣняющіеся на станціяхъ, но ни тѣмъ, ни другимъ дѣлать на судахъ, собственно, нечего, за исключеніемъ рѣдко случающихся опасныхъ моментовъ въ сильныхъ порогахъ, но чтобы представить себя очень важными и необходимыми, они очень ругались въ самыхъ заурядныхъ и ничтожныхъ случаяхъ.

Свирь красива; зеленые лѣса, точно залюбовавшись, столпились у самыхъ ея водъ и стоятъ очарованные, прислушиваясь къ говору ея струй; теченіе быстрое—вокругъ каждаго незначительнаго предмета, торчащаго изъ воды, образуются круги; тутъ и тамъ различные предохранительные знаки.

Особенно опасные здѣсь пороги имѣютъ названія: Сиговець, Медвѣдецъ и Лисья-Голова.

Берега мѣстами поднимаются въ настоящія горы, въ одномъ мѣстѣ на поворотѣ рѣки прибрежный знакъ, извѣщающій о встрѣчныхъ судахъ, находится на такой высотѣ, что, глядя на него, нужно подымать голову,—а далеко, должно быть, съ него видно!

Въ общемъ, проѣзжая по Свири, получаешь такую трель впечатлѣній, что трудно въ нихъ разобраться, а тѣмъ болѣе остановиться на какомъ-либо предметѣ въ отдѣльности, чтобы живо и подробно представить себѣ его образъ; получается кака-то смѣсь, вышита заломъ, и живо вырывается въ памяти только болѣе или менѣе ркое.

Видя массу красивенькихъ погостовъ на вершинахъ холмовъ и на самыхъ берегахъ, представляю я себѣ, что за чудную картину представляютъ они при проѣздѣ на пароходѣ въ ту почъ, когда мы праад-

ншемъ Воскресеніе „Мужа Правды Великой“, и по всей Свирѣ Ем поютъ: „и насъ на землѣ сподоби!“.

Чтобъ согрѣться, сажусь за будку на солнышко, ко мнѣ присаживается бунтовавшій вчера пиллеръ, который гнусавымъ голосомъ началъ разговоръ, объясняя, между прочимъ, что онъ видѣлъ покойнаго І. Кронштадтскаго, котораго затѣмъ началъ злословить.

На этотъ разъ *картинный* не позволилъ на суднѣ разводитъ огня, и рабочіе довольствовались жалкою пищей: накрошивъ хлѣба, они заливали водой и съ прибавкою вѣснаго масла ѣли.

Всѣ свиряне пользуются большою льготой относительно переправы съ мѣста на мѣсто: увидѣвъ какой-либо гребецъ—идеть судно, буксируемое пароходомъ—сейчасъ къ нему причаливаетъ, подвизываетъ, свою лодку у руля и затѣмъ преспокойно сидитъ, сложа руки; такихъ лодокъ иногда тянется за судномъ нитку до десяти, кромѣ того, всѣ деревенскіе жители имѣютъ на буксирныхъ пароходахъ—въ служащихъ или родныхъ, или знакомыхъ,—такъ что бесплатно садятся и ѣдутъ до пужнаго мѣста.

На пароходахъ служащіе большею частью Диревирскіе жители, на судахъ—мнѣ приходилось больше слышать въ отвѣтъ:

— Черепаны!—т. е. Черновецкаго у., Повг. г.

— Что же у васъ и дома-то все такіе же сквернословы—какъ вы?

— О, у насъ паренъ еще говорить плохо, а ужъ материть свою мамку.

Шедшій позади болѣе сильный пароходъ обгоняетъ насъ и стремится впередъ. Какой-то старикъ удитъ съ лодки харьюсовъ. Минуемъ Иваньковский погостъ. Пямелду и погостъ Такъ-Ручей. Красный разливъ рѣки, дамы, лѣсно—направо часовня, которая называется просто—Никола, здѣсь въ праздникъ собирается много народа, тутъ же недалеко селеніе съ бѣлой часовней въ честь В. М.

Рѣка сдѣлала уклонъ влѣво—здѣсь въ порогахъ катимся, какъ съ горки. Вправо, въ отдаленіи, какъ маленькая изящная модель, виднѣется красивая Острѣвичская церковь.

Далѣе, на правомъ берегу опять деревянный храмъ, кустъ старыхъ сосенъ... пароходная пристань съ подъездомъ въ видѣ аллеи, но то изъ тополя, не то изъ березы—выдѣляется крашеный домъ мѣснаго богача.

А вотъ, направо же, опять видъ прекрасный, какъ мечта: на высокомъ куполѣ зеленого холма высятся красуется ликующая бѣленькая церковь!.. Находясь выше всего, какъ на выставкѣ, она рѣзко очерчивается на фонѣ свѣтлаго неба легкостью и изящностью своихъ формъ.

Какой прекрасный, свѣтлый стражъ береговъ Свирѣ!

Выше этой церкви не вознесся ни одинъ присвирскій храмъ.

— Это Нидьма!

Церковь пятикупольная, съ ней срослась стройная сквозная колоколенка.

Недалекъ отъ каменнаго храма стоитъ другой неуклюжій, шатровый, съ коричневымъ корпусомъ, онъ окруженъ деревьями.

Живѣй всего по Свирѣ я себѣ представляю видъ на Нидьму. Какъ свѣтлый образъ Воскресенія затмѣваетъ собою всѣ иныя священныя изображенія своей яркостью, жизненностью, законченностью, такъ образъ Нидьмы затмѣваетъ собой всѣ виды на другіе свирскіе пейзажи.

— Это моя родина—пронзаетъ „поѣздной“.

— Счастливы—подумать я.

Далѣе по берегамъ селенія съ однозвучными названіями—Воронье, *Митусово*. Деревянный храмъ. Вблизи праваго берега длинный островъ, весь покрытый деревьями—зеленыя гущи березъ красиво свѣшиваются на воду, на верхней части острова храмъ и кладбище. На островкѣ въ старину, говорятъ, была пустынь, связанная съ памятью о прен. Германгъ Соловецкомъ.

Здѣсь суда стали на якорь въ ожиданіи другого парохода. Мирись съ своимъ положеніемъ, высаживаемся на правый берегъ и идемъ пѣшкомъ на Хевроньина въ надеждѣ съѣсть въ немъ такимъ же образомъ на другія ладьи и мчаться дальше... По дорогѣ въ члѣмъ-то саду мелькнуло нѣсколько кедровъ—значить прививаются.

Вдоль дороги и берега тянется высокующая земляная громада, мѣстами поросшая лѣсомъ.

Рядомъ Хевроньина большая бѣлая часовня, связанная также съ памятью о прен. Германгъ. Затѣмъ опять храмъ. По дорогѣ попался еще понутчикъ—компаньонъ... Въ деревнѣ пьемъ чай. Хозяйка торгуетъ хлѣбомъ... Выяснила экономическое положеніе сирани. Она говоритъ, что у нихъ почти изъ каждой семьи мужики служатъ на пароходахъ, и что ея мужъ получаетъ 45 р. въ мѣсяцъ.

— Мы ситнѣй то этотъ только на продажу печемъ, а себѣ то стараемся что-либо получше сладить.

Конечно, пьютъ кофе. Фунтъ сбитаго нетопленнаго масла стоитъ здѣсь 40 к., а топленное 80 к.—За то и плата за трудъ высокая, напр., пилка дровъ, которая оплачивается въ Каргополѣ, дорого—15 коп. сажень, здѣсь отъ 80 до 1 р. 20 к.—съ небольшою лишь разницей въ количествѣ и формѣ кладки: напр., кладется полбракца 22 четверти „пону“ (длины) и 6 высоты... иногда 9—высоты.

Скоро всѣ трое влѣзаемъ на судно и опять—„пошла!“

Подпорожье. Большое селеніе на высокующемъ отлогомъ склоргѣ съ храмами, лавченками и зеленью. Пришлось въ ожиданіи парохода перепочевать опять на стужѣ и на другой день провести скучно-прескучно праздникъ Вознесенія все въ томъ же томительномъ ожиданіи. Наконецъ, часовъ въ 5 вечера насъ потянули... Опять гляди по сторонамъ!

Да—нѣсколько мелкихъ деревиншекъ, въ одной изъ которыхъ „праздникъ.“—толпа народа.

А вотъ богатое селеніе *Важныя*, во многихъ частяхъ похожее на городъ—щегольскіе дома. Ремесленная школа, у которой хорошій садикъ; березовая роща, храмъ. Зданія по обѣимъ сторонамъ рѣки и, конечно, на высокихъ же отлогостяхъ. На лѣвой сторонѣ минули заводъ и два или три ярко-красныхъ дома съ разбитой зеленью. Спрашиваю лощмана:

— Чей заводъ?

— Чужны.

— А дома?

— Чужны.

— Какая яркая краска!

— И у него на окраску этихъ домовъ ушло всего только 10 ф. краски... Вотъ мы у него и спрашивали: какъ составлять такую краску?—съ намъ рассказалъ, да не все—самое то главное утаилъ: мы выкрисили по сказанному—и первый же дождь все смылъ... а у него, наоборотъ, все ярче становится—вотъ чего жалко!—На заводѣ у него еще недавно работали все наши, потомъ немножко кой въ члѣмъ попротестовали, а

онъ взялъ да всѣхъ и уволить—выписалъ своихъ чужонь... Теперь по деревнѣ боимся пройти: всѣ они съ пожами—большіе и малые!

— У васъ лѣсъ свой, а вѣтъ ли возможности устроить—хотя бы на общія средства свой же лѣсонильный заводъ?.. Авось было бы хорошо!

Эти слова лодману показались лакомствомъ, но въ то же время онъ началъ говорить о несогласіяхъ и прочемъ... въ концѣ-концовъ, оторвавшись отъ разговора, началъ матерную брань, совмѣстно съ шкиперомъ относительно какого-то иного предмета... Я отошелъ съ убѣжденіемъ, что *это* будетъ—когда ракъ свисеть!

Усталши. На лѣвомъ берегу храмъ, богатые дома, много зелени—картонный заводъ.

Троп *Манором*—верхніе, средніе и нижніе—въ послѣднихъ храмъ.

Нѣкоторыхъ деревень не называю—и что значить одно названіе, даже вѣстность или экономическій уровень селенія, когда вѣтъ возможности проникнуть въ его душу, въ его внутреннее содержаніе: чѣмъ оно тужить?—чѣмъ смѣется?—кто здѣсь замѣчательнъ среди сѣраго люда?.. и что скрываютъ его мечтательныя задворки—всегда полныя тайны?..

Промелькнула лѣсная школа. Рѣка здѣсь круто уклоняется влѣво. На лѣвомъ берегу спротивно выглядятъ два погибшихъ судна. Берега опять обступила зеленая чаща: если бы кто вздумалъ пристать на крутизну этого берега, то сдѣлать этого бы не смогъ—безчисленная гуна тонкихъ стволонъ, пристукаетъ къ самой водѣ, не оставляя мѣста, куда бы можно было ступить ногой; зеленія вѣтки спустили свои концы въ воду, которые теченіе непрестанно и напрасно тянетъ въ свою сторону.

Здѣсь, по мнѣнію судового шкипера, пароходъ сдѣлалъ невѣрный маневръ, и онъ, крича во всю мочь, послалъ на пароходъ нѣсколько обычныхъ словъ—пароходное населеніе не осталось въ долгу и отвѣтило шкиперу такимъ же салютомъ.

Нилъжма: два домишка поодаль на правомъ берегу; здѣсь, на лѣвомъ—рѣчная караулка, вблизи которой на рѣкѣ масса судовъ—здѣсь стали на ночь и мы.

Установившись, какъ слѣдуетъ, коренные, устремляя свои взоры—какъ на спятыю—на дома противоположнаго берега, начали громко выкрикивать:

— Сашникъ!

Т. е.—булочникъ. Тамъ живетъ какой-то „чухна“, торгующій хлѣбомъ и разной мелочью—не исключая водки и пива.

Скоро показалась плавучая лавка—и даже дѣтъ... Началась развѣска ситяго (7 к. ф.) и чернаго хлѣба, появился чай, сахаръ, крендели, лимоны, селедки—и что то *на нилко*, по секрету!

Такія плавучія лавки осаждаютъ идущія суда почти во всѣхъ селеніяхъ по Свири.

Прошла ночь: о стужѣ уже не говорю—вскакиваю утромъ—иной!.. Сидящая на мачтѣ ворона и та, кажется, носъ поморозила.

Здѣсь къ намъ присоединилась еще вчера старуха съ Воронья, тержащая путь также въ Свирикій... Всю дорогу съ ней приключались различныя исторіи, надъ которыми судовые ребята любили поохотаться, хотя, въ сущности, особенно смѣшного ничего не было, въ старухѣ проглядывала лишь неприятная назойливость да особый оборотъ рѣчи, затѣмъ въ связи съ несимпатичностью жажда какой-то назойливости...

Какъ то она, за немѣвнѣемъ иного мѣста, прилегла отдохнуть рядомъ съ кореннымъ—на край его высокой „койки“, но крикъ сверху заставилъ послѣдняго вскочить, и вмгъ полетѣли старушки кости—прямо на полъ. Здѣсь ребята долго корчились въ потугахъ смѣха и нахохотались досыта.

— Ой, жалобной, чуть не убилась!..

Послѣ мы эту старуху встрѣтили еще въ монастырѣ, и такъ какъ мало обратили вниманія, то она для поднятія своего авторитета начала объяснять:

— У меня племянникъ большимъ ужь стать, какинъ-то... называть по хорошему не упомяну—сейчасъ у своей въ письмѣ читали!

Но насъ интересъ не захватывалъ, поэтому старуха, помолчавъ, положительно заявила:

— У меня племянникъ въ губернаторы поступилъ!

— Рублей двадцать получаетъ въ мѣсяцъ жалованья?—спрашиваетъ Масловъ.

— Ой, што ты, болѣ сотни.

Утромъ пароходъ потянулъ уже цѣлое село—въ восемь судовъ, а говорить—отсюда тянеть и по двѣнадцати.

Плыть намъ еще немного. Проглянуть на правомъ берегу Шуркинскій погостъ, а лѣвѣю длинная деревня Мирошкиницы.

Вдали виднѣется бѣлый храмъ.

— Это какой погостъ?

— Да это злодѣйное-то поле и есть:

— Ахъ, Лодейное Поле!

Начинаю всматриваться въ его очертанія, стараюсь понять, чѣмъ онъ дышетъ, и чѣмъ именно должны довольствоваться люди, обрѣченные жить въ немъ всю свою жизнь, и что, слѣдовательно, изъ себя представлять, неминуюемо дѣлаясь по своему внутреннему содержанию похожими на свой городъ, нося въ воображеніи его злѣчныя мѣста, тины, ямѣя сляніе со всѣми его интересами, не исключая мелочей.

А городъ уже недалеко. Сосновый лѣсъ на высокихъ холмахъ подходит къ нему близко. Вотъ направо, за лѣсомъ, на песчаной горѣ видна часть деревяннаго кладбищенскаго храма своеобразной формы; а напротивъ, на высокомъ ровномъ берегу стоитъ весь налицо бѣлый, красивый соборъ—въ формѣ креста—съ куполомъ, колоннами по сторонамъ и изящной воздушной колоколенкой. По вѣншему виду онъ нѣсколько напоминаетъ Кронштадтскій Андреевскій соборъ. Лѣвѣе собора густая березовая роща, правѣе за нимъ видны два каменные здания и садъ.

Любо глядѣть на Лодейное-Поле съ Свири... Просвѣтлѣло въ головѣ... Въ душѣ осталось чувство, похожее на воскресный отдыхъ... Если каждый видъ производитъ въ душѣ свою „вибрацію“, то этотъ городъ далъ впечатлѣніе спокойствія и свѣта... Движенія въ городѣ не видно—онъ кажется безлюднымъ. Показали себя еще одна его небольшая церковь, тоже стоящая на берегу, и краткое видѣніе города кончилось.

Нѣкоторые простолюдины пзвращаютъ названіе города, вѣроятно, по его непониманію и придаютъ ему иной смыслъ, напримѣръ, вмѣсто Лодейное—„Владѣйное“... хотя Лодейное—значить проще—Лодочное-поле, здѣсь бывала верфь.

Овить съ обѣихъ сторонъ лѣсъ. Дусть сильный вѣтеръ. Свирь разбушевалась.

Деревня Канама: паромъ-перевозъ, съ берега на берегъ тянется телеграфная проволока.

Одинъ изъ судовыхъ парней пристаеъ ко мнѣ съ наивною просьбой—продать сапоги.

— Да я то въ чемъ останусь?

Наконецъ, направо, вблизи и Свирская пристань. Свирь бунуетъ; съ большимъ трудомъ удалось уговорить одного парня-смѣльчака, чтобъ высадилъ на берегъ—или хоть сиди и песни на Ладожское!.. Заиграли волны вертлявой лодкой—обдавая насъ брызгами, закричала старуха—заругалась, струхнула Масловъ, и эту идею пришлось направить на болѣе близкій лѣвый берегъ:—уже потомъ монастырскій служка на большомъ карбасѣ перевезъ насъ къ пристани.

Итакъ—233 версты водой отъ Вытегры; еще осталось 7 верстъ пѣшкомъ, но это такая крушилка!

Сидимъ въ гостиницѣ за чаемъ... Чувствуется что-то особенное—здѣсь уже парить власть монастырскаго духа... Сидимъ молча, стараюсь привыкнуть къ новой стихіи и понять ее.

Тутъ же двѣ карелки съ молодымъ парнемъ за другимъ столомъ пьютъ чай и что-то тараторять на своемъ языкѣ.

Масловъ переводитъ мнѣ ихъ рѣчи, объясняя, что карелки отира-вляють въ Илтеръ сына и поэтому внушаютъ ему, чтобъ остерегалъ въ дорогѣ пьяныхъ, а также предлагаютъ и другую мораль.

Замѣтивъ, что ихъ понимаютъ, бабы начали говорить по-русски.

На улицѣ также слышна карельская рѣчь.

Рядомъ съ гостиницей ларекъ—лавочка какого-то крестьянина, который только что пустился на лодкѣ со своимъ товаромъ къ идущимъ по Свири судамъ.

Торговецъ—дошій мужикъ, которому къ лицу бы работать. На стѣнѣ его широкаго ларя наклеена масса различныхъ рекламъ, за вывѣску которыхъ рекламисты ему будто бы платить, но рекламныя предложенія далеко не монастырскаго сирота.—Этотъ торгашъ, какъ и слѣдовало ожидать, пользуясь одиночествомъ, за самые обыкновенные предметы деретъ цѣну необыкновенную.

Выходимъ на узкую полевую улочку и идемъ прочь отъ Свири по направленію къ лѣсу, вдалеку на южнѣ блеститъ озерко.

Монастырскій мѣсъ! Это всегда особенный лѣсъ, отрезвляющій лѣсъ, лѣсъ полный божественныхъ тайнъ!.. Онъ осѣняетъ и проникаетъ насъ всегда чувствомъ благоговѣнія, заставляетъ призадержаться, подумать, заглянуть въ свою душу—пробѣдить ея качества.

Минуемъ мельницу, большой корпусъ, шумливый ручей, и опять въ лѣсу.

Стройныя сосны, дружно обступивъ дорогу, стоятъ ровныя, гладкія—какъ свѣчи предъ Творцомъ, и поднимаясь высоко къ небу—торжественно-ласковымъ, благоуханнымъ шумомъ—какъ бы приглашая говорить:

— Горѣ имѣемъ сердца!

И кажется здѣсь великій путникъ, влекомый этимъ призывомъ, вырастаетъ духомъ все выше и выше и поетъ въ сердцѣ хвалебную пѣснь Творцу... а кой-гдѣ малютки-цвѣты, кады омиаюмъ, точно свѣт-

бы проинчателыныя глазки—взирають на небо и шлютъ ему тысячи святыхъ лобызаній. Слышатея тонкія свирѣли птицъ.

Въ концѣ лѣса старинный крестъ съ рѣчными словами вязью—трудно разбираемыми.

Открылся оживляющій видъ на А.-Свирскій монастырь: два бѣлыхъ каменныхъ квадрата, унизанные ознами; изнутри возвышаются стѣны храмовъ, ихъ кровли, главы и острые шпицы... Падалека—точно чудной свѣча—возвышается и бѣлѣетъ высекая новыя колокольни восточнаго стиля—въ Преображенскомъ монастырь.

Философъ Н. Докучаевъ-Басковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Мелочи архіерейской жизни XVII—XVIII в.в.

(Изъ прошлаго Архангельской епархіи).

I.

Изъ быта архіепископа Анастасія.

1. М. Сибирцеву—своему наставнику въ дѣлѣ изученія Архангельскихъ древностей.

Личность перваго Холмогорскаго и Важскаго архіепископа Анастасія и его церковно-общественная дѣятельность въ настоящее время уже достаточно подробно освѣщены изслѣдователями прошлой жизни нашего края¹⁾ Описанъ также и вѣщій бытъ архіепископа Анастасія, весь укладъ его обывальной жизни, насколько это, конечно, было возможно въ ученыхъ изслѣдованіяхъ, и насколько вообще позволяли матеріалы. Мы приводимъ здѣсь нѣсколько такихъ фактовъ изъ быта архіепископа Анастасія, которые частью уже приведены вскользь въ примѣчаніяхъ въ солидномъ упомянутомъ нами изслѣдованіи В. Верюжскаго, частью, въ силу своей мелочности, не нашли себѣ мѣста въ его трудѣ.

Просматривая хранящіяся въ Петербургѣ въ Императорской Археологической Комиссіи²⁾ приходо-расходныя книги Холмогорскаго архіерейскаго дома за 1687—1697 гг. (по „Описанію“ Барсукова—№№ 101—103), мы натолкнулись на нѣсколько любопытныхъ расходныхъ записей, которыя тѣмъ болѣе интересны, если сравнить вѣкъ пышнѣйшій и вѣкъ миновавшій.

Архіепископу Анастасію довольно часто приходилось сношаться съ Москвою, при чемъ эти сношенія чаще всего производились чрезъ по-

¹⁾ „Анастасій, архіепископъ Холмогорскій. Его жизнь и труды въ связи съ исторіей Холмогорской епархіи за первый 20 лѣтъ ея существованія и вообще русской Церкви въ концѣ XVII вѣка“. Церковно-историческій очеркъ В. Верюжскаго СПБ. 1908 г. Стр. 683.

²⁾ Пользуемся случаемъ выразить глубокую благодарность правителю дѣлъ Импер. Археологической Комиссіи В. Г. Дружинину, оказавшему намъ свое любезное содѣйствіе при занятіяхъ въ Комиссіи.

средство нарочныхъ посыльныхъ.—господинныхъ въ штатѣ архіерейскаго дома дѣтей бѣднѣхъ.—которые вообще исполняли всякія порученія архіепископа. Пользуясь „оказіей“, преосвященный архіепископъ посылалъ иногда въ Москву своимъ благодѣтелямъ, старымъ пріятелямъ и вообще сильнымъ міра сего подарки.

Вотъ она записка объ этихъ подаркахъ.

„Покупка москве вносылку потребить.

Подголовки и шкатула.

7192 (1833) года декабря въ 11 день у кузнеца у Григорья Шиликунова купленъ въ поднось боярину Федору Петровичу Салтыкову ¹⁾ подголовокъ ²⁾ окованъ прорѣзнымъ желѣзомъ на нити вертлюгахъ изрядной цѣнѣ рубль семь алтынь двѣ денги.

Того же числа у кузнеца у Ивана Батакова куплена шкатула подъ красную кожу окована прорѣзными кругами і съ наугольниками дана шестьдесятъ алтынь. Она шкатула поднести его боярина Федора Петровича дочери дѣвице ³⁾.

Да вряту изъ лавки у Гаврила Тринишина да у Носка куплено на подголовки окованныя прорѣзнымъ желѣзомъ, дано за оба два рубля десять алтынь, а вѣчно поднести одинъ подголовокъ своему боярину Федору Петровичу сыну Василью Федоровичу ⁴⁾, а другой подголовокъ кравчому Кириллу Алексѣевичу Нарышкину ⁵⁾.

¹⁾ Бояринъ Федоръ (Александръ) Петровичъ Салтыковъ—отецъ царицы Прасковьи, супруги царя Іоанна V Алексѣевича, былъ сперва командантомъ въ Енисейскѣ, откуда, переведенный въ возлго до женитбы Іоанна V въ Кіевъ военный, возведенъ въ званіе боярина, при чемъ было повѣрено перемѣнитьмя—вѣсто Александра называться Федоромъ: † 2 февраля 1697 года.

²⁾ Подголовокъ вѣче подголовашникъ—въ до-Петровской Руси—пemisовой ящикъ или ящикъ съ наковной крышкою, окованный желѣзомъ съ внутреннимъ замкомъ и съ выдвигаемыми внутри ящичками, въ которыхъ хранились драгоценности; онъ ставился въ изголовь и на него сверху накладывались подушки. Особенно цѣнились и славились Холмогорскіе подголовки, какъ самыя дучіе.

³⁾ Настасья Федоровна, впоследствии бывшая замужемъ за знаменитымъ княземъ-кесаремъ Федоромъ Юрьевичемъ Рюмодановскимъ.

⁴⁾ Василій Федоровичъ—братъ царицы Прасковьи, не игравшій при Петрѣ I явнкой роли, былъ близокъ ко двору своей сестры и соступ ейшею на престолю ея дочери Анны Іоанновны, своей племянницы, своей осмѣлаъ милостямъ, возведенъ въ графское достоинство, пожалованъ орденомъ св. Андрея и назначенный въ Москву генералъ-губернаторомъ вскоре умеръ 5 окт. 1730 года. Для характеристики семейныхъ нравовъ высшаго круга русскаго общества въ первой четврти XVIII вѣка наггересно его бракоразводное дѣло съ второй женой Анной Григорьевной, урожд. кн. Долгоруковой, отецъ которой въ 1721 году былъ челоомъ Государю, что Салтыковъ „имѣлъ его дочь въ любви не малое время, а потомъ обратился немилостиво, по наговору людей своихъ безвинно бѣдѣ мучительски и голодомъ жорить и хотѣлъ убить до смерти и что было ей—все ограбилъ“. Салтыковъ въ свое оправданіе писалъ, что онъ жену свою безвинно не бѣдѣлъ, а когда какою провинность и непослушаніе учиняла, тогда ее своеручно бѣдѣлъ и что она емо къ милости не перяжалъ: в-егда его не слушала и невѣжничала многими досадными словами“. Долго тянувшееся дѣло это въ свое время вызвало много шума и даже особое сочиненіе Феофана Прокоповича „О правильномъ разводѣ мужа съ женой“, окончилось оно разводомъ, при чемъ Анна Григорьевна, попнинная жертва характера и распущенности своего мужа, была заточена на всѣ жидны въ одинъ изъ женскихъ монастырей.

⁵⁾ Кириллъ Алексѣевичъ Нарышкинъ имѣлъ званіе кравчаго и сопровождалъ Петра I во время первой его побѣды въ Архангельскѣ; позже онъ послѣдовательно занималъ должности оберъ-коменданта псковскаго и дерптскаго; коменданта с.-петербургскаго и губернат ра московскаго; принималъ участіе въ судѣ надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ.

Декабря въ 13 день куплены у Архангельскаго города вмосковскую посылку вдаръ благодѣтелямъ архіерейскимъ двои очки большіе дано по осми алтынь по двѣ денги за очки. Двои очки малые дано по гривнѣ за очки да два влагалища одинакіе дано по гривнѣ за влагалище. всего за тѣ очки денегъ дано тридцать алтынь¹⁾.

Не знаемъ, какъ часты были эти посылки къ Москвѣ въ почестъ, но какъ они были велики показываютъ общій итогъ одной росписи преосвященнаго Анаасія архіепископа Холмогорскаго и Важскаго, кому что поднести въ почестъ на Москвѣ—по которой определено поштеть питья: анкирекъ репскаго добраго, поланкирка церковнаго, 2 погребца двойныхъ водки, 2 погребника малыхъ водки жъ рыбы: 31 палтосъ соленой, 21 семга съ черевомъ, 44 семги просоленныхъ, 17 пластей семежьихъ, 14 головъ сахару, птица поногай²⁾.

Эти подарки подноси „въ почестъ“ дѣлались не только московскимъ благодѣтелямъ, но и архангельскому воеводѣ, которому рачи пошнесенъ былъ пирогъ „въ почестъ“.

„Пирогъ въ почестъ.“

Декабря въ 8-мъ числѣ къ пріѣзду на Холмогоры отъ Архангельскаго города ближнего і воевода Федора Матвеевича Апраксина³⁾ вряду купленъ пирогъ пшенишной дано четыре алтыня две денги.

І тотъ пирогъ ему воеводѣ поднесенъ какъ онъ пріѣхалъ на Холмогоры⁴⁾.

Иногда вмѣсто пирога архіепископъ несъ въ почестъ воеводѣ рыбу. Такъ

202 года сентября въ 5 день ближній столникъ і воевода Федоръ Матвеевичъ Опраксинъ звалъ преосвященнаго архіепископа к себѣ в домъ на новоселье хлѣба купать несено ему въ почестъ двѣ семги свѣжіе вѣсомъ тридцать три фунта, дано за нихъ двадцать алтынь⁵⁾.

„Меньшую братію“—своихъ слугъ, нищихъ и вообще лишь, бившихъ ему челомъ о милости—владыка жаловалъ одеждой, обувью или просто давалъ деньги.

Приводимъ нѣсколько записей о подобныхъ пожалованіяхъ:

„Покупка сапогъ“

Въ мартѣ ж мѣсяцѣ (202 г.) холмогорець іванъ сапожникъ іѣзаль вдомъ (преосвященнаго Архіепископа) трои сапоги телатинные красные на нарокъ прикладъ клать онъ несъ свой і за первые сапоги дано ему десять алтынь за другіе восемь алтынь две денги за третьи две гривны.

И тѣми сапоги преосвященный архіепископъ жаловалъ къ святой насхи домового ремесленного старца Герасима учениковъ его двухъ, а третьими сапоги закройщика Петра Рыбки сына ево за ево работу въ мастерской палате.

Да смужь малому за тужь работу дано сверху отъ архіерея пошмъ аршинъ крашепнины нѣнѣшней городской покунки⁶⁾.

¹⁾ Ев. Бурцевъ „Изъ документовъ Архангельской духовной семинаріи“ М. 1900 стр. 23

²⁾ Федоръ Матвѣевичъ Апраксинъ въ рукописи „Опраксинъ“ былъ на Двинѣ воеводою съ 22 августа 1693 г. по 20 февраля 1697 года.

„Дача нищему“

Декабра въ 29 день куплены нищему Ивану галаки коты сонушками дано за них четыре алтына¹⁾.

Въ книгѣ записной Преосвященнаго Аванасія, Архіепископа Холмогорскаго и Вадковскаго: покупка (202 года) у Архангельскаго города на ярмонѣхъ келейныхъ его архіерейскихъ потребствъ на келейныя деньги, есть между прочимъ такая записъ:

„Куплено въ Каргопольскомъ ряду на раздачу нищимъ въ милостыню Бога ради двадцать кафтановъ шубныхъ новыхъ, въ томъ числѣ за семь кафтановъ дано по двадцати алтынъ а за тринадцать кафтановъ дано по восемнадцати алтынъ по двѣ денги за кафтанъ, всего за тѣ кафтаны дано цѣлы одиннадцать рублевъ одиннадцать алтынъ четыре денги.“¹⁾

„Дача денегъ въ милость.“

Генваря въ 3 день по указу преосвященнаго архіепископа і по помѣте не члюбитной лѣака данила лебедева домовоі вочины чухченемской волости нищей вдовѣ Катерины Фокіны дочери дано въ милостыню ради брачнаго сочетанія дочери ея дѣвки полтина²⁾.

Записи послѣдняго рода о „дачѣ денегъ въ милость“ встрѣчаются вообще довольно часто, при чемъ просители иногда обращаются „ради брачнаго сочетанія“, а иногда „ради смерти“ или ради рожденія кого либо въ семьѣ.

Приведемъ теперь интересныя свѣдѣнія о томъ, чѣмъ преосв. Аванасій угощалъ государя Петра Великаго, когда онъ во время своихъ прѣздовъ къ городу Архангельскому „благоволилъ у преосвященнаго архіепископа хлѣба кушать“. О приготовленіяхъ къ одному изъ этихъ „государевыхъ столовъ“ и сохранились любопытныя данныя на основаніи которыхъ мы до нѣкоторой степени можемъ представить себѣ меню царскаго обѣда у архіепископа Аванасія³⁾.

Въ приходо-расходной книгѣ за 1694 годъ есть такая записъ.

„Покупка рыбы.“

Августа въ 23 день великій Государь царь великій і князь Петръ Алексѣевичъ всеа великіи і малыи і бѣлыя росіи самодержецъ благоволилъ у преосвященнаго архіепископа хлѣба кушать.

Къ тому столу куплено архангельскаго города у стрѣльца у васки пеклюдова рыбы пятнадцать язей большихъ і среднихъ да дват-

¹⁾ М. Протопоповъ „Двѣсти лѣтъ назадъ“. (Замѣтка) „Арх. Губ. Вѣд.“. 1894 г. № 71; въ настоящее время рукопись эта находится, кажется, въ Архангельскомъ Епархіальномъ Дреннехранялицѣ.

²⁾ Въ качествѣ образчика меню парадныхъ архіерейскихъ обѣдовъ приводимъ роспись кушаній „почеснаго стола“, состоявшагося у преосв. Аванасія въ сентябрѣ 1700 года: 1) икра зернистая, 2) икра красная, 3) вязига осетровая, 4) укروشка подъ лимонь, 5) ботвинье сотникомъ осетровоі, 6) вяжно свѣжесольной щуки, 7) вяжно семги подъ лимонь, 8) колотка живая, 9) колебака съ семгою, 10) колебака подовал, 11) колебака съ ситомъ, 12) коровай тельной, 13) тука паровая, 14) караси паровые, 15) семга паровая, 16) вельма паровая, 17) спинка семязья, 18) язь паровой, 19) уха пироговая, 20) пироги съ вязгою, 21) уха карасевая, 22) пироги съ налимомъ, 23) пироги съ семгою, 24) уха налимовая, 25) уха окуневая, 26) пироги съ тѣломъ, 27) кашка семязья, 28) карасики съ яицы, 29) пироги кислоурянные, 30) щи съ тешю „Двинская Лѣтопись“ Москва 1889 стр. 114.

кѣть окушей большихъ и среднихъ и малыхъ всѣ живые даво ему за ту рыбу цѣны пятнадцать алтынъ четыре денги.

Къ тому же столу и внуть Государю въ поднось у иванка неслучина стоварищемъ куплено три семги свѣжіе счеревомъ вѣсомъ два пуда четвертью дано по дватцати по шти алтынъ по четыре денги за пудъ і того рубль дватцать алтынъ четыре денги.

У городского стрѣльца у иванка соколова куплена рыба семга съ черевомъ вѣсомъ пудъ пять оупть дано рубль десять денегъ.

Къ тому жь Государеву столу куплено рыбъ живыхъ щукъ окушей палима сига въ раковъ всего на дватцать на семь алтынъ на три денги.

Къ тому жь столу на колебаки куплено тѣста пшаничного на два алтына.

Куплено въ столовой обиходъ четверникъ луку дано два алтына четыре денги.

Купленъ хлѣбъ пшаничной на обжариваніе сухари данъ шесть денегъ.

Куплено грибовъ на четыре денги.

Дача присѣшникомъ.

Ко устроению къ Государскому пришествію столового кушалья влаты у ближнего столника і воеводы двинского присѣшники двое человекъ дано имъ присѣшникомъ по полуолтинѣ человекъу ітого штина⁴.

Надо отмѣтить, что сюда не вошелъ расходъ на вина, которыя подъ именемъ „ренского“ вообще покупались въ дождь архіепископа бочками. Въ ризницѣ Холмогорскаго собора и посейчасъ можно видѣть серебряныя „столочки“ и „стаканы“, довольно обьемистые, изъ которыхъ въ доброе старое время наши владыки разрѣшали себѣ „вино и елей“. Царское кушанье тоже, конечно, не обовлялось безъ нѣкоторыхъ возлияній въ честь бога Вахуса, до которыхъ вообще Петръ Великій былъ большой любитель.

Любопытно дальше то обстоятельство, что у архіепископа были свои домовые олени, для которыхъ покупался бѣлый мохъ-ягель:

„Генваря въ 11 день у быстрокурца у Пашки Собишнихъ куплено домовымъ оленямъ на кормъ облукъ мху бѣлаго, два алтына дано“.

Теперь олени въ Холмогорахъ вообще не водятся и даже старожилы не припоминаютъ...

Кромѣ домовыхъ оленей, у архіеп. Аонасія была еще цѣлая домовая флотилія: двѣ лоды двинники, дощаникъ и два крытыхъ извозныхъ карбаса,—служившая какъ для путешествій архіепископа въ Архангельскъ, такъ и вообще для хозяйственныхъ потребностей архіерейскаго дома. На зиму весь архіерейскій флотъ отдавался подъ карауль, при чемъ съ караульщиками заключался такой примѣрно договоръ:

„Октября въ 18 день по указу преосвященнаго архіепископа отданы в карауль курейской волости крестьяномъ максимъ петрову да петрушке трифанову да петрушки жь іванову домовые архіерейскіе двѣ лоды двинники да Государскаго жалованья дощаникъ новой¹⁾ да два

⁴⁾ Дощаникъ этотъ былъ пожалованъ архіеп. Аонасію 25 августа 1693 года, что видно изъ слѣдующей записи въ „Двинской Лѣтописи“ (1693 г.) августа въ 25 число великій государь пожаловалъ преосвященнаго Аонасія стругомъ своимъ, на которомъ прибыль къ городу, со великою судовою снастію (стр. 68). Очевидно, названія „дощаникъ“ и „стругъ“ прилагались къ одному и тому же типу судна, такъ какъ въ Двинской Лѣ

карбасы называемъ крытыхъ холмогорскаго дѣла и поставитъ тѣ вышесказанные люди і дощаникъ и карбасы и курьѣ рекѣ кберегу а петѣхъ дореч и изъ дощаника иекарбасовѣ вода выливать досуха. а какъ ледъ обстановитца і тѣ люди і карбасы возитъ і поставитъ на балки, а дощаникъ поставитъ на живую воду а ряжено имѣ отѣхъ людей і от дощаника і от карбасовѣ за все два рубля четыре гривны і при сен жинчи те дени имѣ максимумъ съ товарищи два рубля четыре гривны отданы (въ томѣ воста на нихъ записе). Въмето максима да петра да петра же по ихъ подѣвию чухченемець мишка павловъ никоновъ руку приложилъ”.

Целовниками для содержанія архіерейскаго дома при преосвященномъ Афанасіѣ служили прежде всего вотчинныя земли: тяглыя оброчныя и обрабатывавшіяся въ пользу самого архіерея, арендная плата съ принадлежащихъ архіерейскому двору въ Архангельскѣ и Холмогоряхъ, разнаго рода сборы съ церкви и духовенства епархія и т. д. Но кромѣ этого были еще одинъ источникъ доходовъ—домовой Мурманской рыбной промыселъ, производившійся въ пожалованныхъ архіерейскому „рели скулости“ въ 1694 году Виселкиной губѣ, рѣчкѣ Порчицкѣ и ставовицахъ Трещино и Зеленицы. Приводимъ здѣсь не лишены интереса свѣдѣнія объ этомъ архіерейскомъ мурманскомъ промыслѣ.

Архіерейскіе промышленники-покрученники отираклялись на Мурманѣ на двухъ лодяхъ по 12 человекѣ: кормицкѣ, два карбасника, човатъ промышленныхъ рядовыхъ людей на каждой лодѣ. Кормицкѣ и карбасники навманились изъ полуучастка на человекѣ и сверхъ того имѣли право насолить архіерейской солью каждый на себя по бочкѣ своей рыбы, купленной ими или вымѣниваемой на товаръ, а рядовые люди—изъ одной пятой доли. Содержаніе промышленниковъ во время промысла „домовые тамошніе расходы“, а также и оборудованіе лодей (якори, паруса, трюсы и котлы, о покупке которыхъ имѣются записи) ложилось на счетъ преосвященнаго и обходилось въ 4—5 рублей, не считая выдававшихся при отиракѣ изъ Холмогоръ „трюски“, а также, вѣроятно, и другихъ принадлежностей: орудія промысла, бочки подъ рыбу и соль (последняя въ 1694 году, напр., въ количествѣ тысячи четыреста пудовъ на двѣ лодки¹⁾ также были архіерейскіе. На счетъ архіерейскаго относились также и деньги на подъемъ до „Колскаго острога“ дававшіеся „неводачу“ кормицкѣ и карбасникамъ по рублю, а рядовымъ людямъ по 21 алт. 4 деньги на человекѣ. Предъ отиракленіемъ на промыслы всемъ покрученникамъ выдавались также денежные ссуды отъ полуцотины рядовымъ промышленникамъ до рубля кормицкѣ и карбасникамъ.

Приводимъ здѣсь полностью договоръ съ промышленными людьми:

„Отпущекъ промышленныхъ людей въ домовую мурманскую вешней рыбной, палтасей и трюсковой промыселъ первой лодки.

Февраля въ „день отпущены на море мурманское архіерейской домовою палтасей и трюсконой на вешней и на лѣтней промыселъ ста-

тописъ этотъ же самый стругъ государева жалованья нѣсколькими страницами дальшъ называется дощаникомъ.

¹⁾ Въ приходе-расходной книгѣ за 202 годъ есть такая записъ: „Покупка соли. Мая въ 15 день Калпацкаго монастыря холмогорской службы у прикащика старца сергія взято въ домовой мурманской промыселъ монастырской соли тысяча четыреста пудовъ на домовые на двѣ лодки... а договорено за ту соль цѣны дать по десяти алтынь за пудъ“.

овище врусское олепье ввиселкину губу кормщикъ домовои снаского стану крестьянинъ Иванъ Зеновьевъ сынъ дурносоловыхъ да карбасники оедоръ корниловъ василей вайгачевъ договорено имъ испромышленной изъ всякой рыбы дать по полуучастку человѣку.

Да сверхъ того ему жь Ивану на подъемъ до колскаго острога по договору свершенка дано неподачу рубль за ему жь на ссуду вотадачу семь гривенъ.

Да ему жь договорено насолить своей рыбы трюски купленной или вымѣнной на товаръ архіерейскою солью бочка, а за соль на немъ денегъ не спрашивать.

Ему жь Ивану на ломовые архіерейскіе тамошніе расходы дано пять рублей.

Карбасникомъ Оедору Корнилову, Василью Вайгачеву до колскаго острога на подъемъ свершенка неподачу по договору дано по рублю человѣку и того два рубля.

Ему жь Оедору на ссуду въ отдачу дано четыре гривны за васьлю вайгачеву на ссуду дано полтина.

Да сверхъ того имъ же кормщику и карбасникомъ вѣсьмъ договорено будучи въ томъ промыслу насолить архіерейскою солью рыбы каждой на себя по бочки і вывезти на Холмогоры нашей же доли безденежно а за соль на нихъ денегъ не имать.

Да съ ними же кормщикомъ и съ карбасники отпущены промышленные рядовые люди

въ карбасѣ сываномъ дурносоловымъ Якушко Васильевъ Оедка Ивановъ Авошка Аверкиевъ

въ карбасѣ съ оедоромъ корниловымъ карнушка мартемьяновъ куземка оирсовъ селяванко корниловъ

въ карбасѣ съ Васильемъ Вайгачевымъ Егорко Кондратьевъ Данилко Дорофьевъ Івашко Оедотовъ.

Дано имъ рядовымъ промышленникомъ вѣсьмъ девяти человѣкамъ свершенка на подъемъ до колскаго острога неподачу по договору по дватцати по одному алтылу по четыре денги человѣку. ітого пять рублей дватцать восемь алтынъ двѣ денги.

Имъ же покрученикомъ на ссуду до приходу стого промысла дано по полуполтины человѣку ітого два рубля восемь алтынъ двѣ денги.

Вмѣсто карбасниковъ ивана да васьля да оедора и покручениковъ по ихъ велѣнію івашко оедотовъ руку приложилъ.

І тѣ денги что даны тѣмъ промышленнымъ людямъ на ссуду взяты на ихъ вѣдомую казну какъ они пришли ітого промысла на Холмогоры⁴.

Отпускъ другой лоды отличается отъ приведеннаго нами тѣмъ, что въ немъ указываются, очевидно, пропущенныя въ первомъ условія покрута рядовыхъ промышленныхъ людей. именно послѣ опредѣленія денежной дачи на подъемъ говорится:

«І тѣмъ покрученикомъ рядовымъ девяти человѣкомъ поряжено чьзъ уловной всякой рыбы пятая доля⁴».

Права кормщика и карбасниковъ на засолку своей рыбы здѣсь выражены въ такой формѣ:

«а рыба и наживка договорено имъ на себя солить і вывезти противъ того жь какъ писано первой лоды промышленникомъ⁴».

Нѣкоторая часть добытой на промыслахъ рыбы потомъ продавалась на благоувищенской ярмаркѣ на Выгѣ, что видно изъ слѣдующаго документа:

„Отпускъ рыбы для продажи на благоувищенскую ярмарку.

Освятили въ 19 день по указу преосвященнаго архіепископа дѣти боярскіе Иванъ ивкитиѣ да василей окулювъ большой посланы къ ваге на благоувищенскую ярмарку съего архіерейскаго мурманскаго промысла домашною рыбою на семнатцати возѣхъ, а рыбы сними пошло двѣсти дватцать пять пуд палтосины соленой, пятьдесятъ одинъ пудъ палтосины сухой, тридцать девять пудъ раногъ (?) палтусыхъ, пятьдесятъ пудъ рыбы трески соленой, двѣ бочки семги соленой вѣсомъ тридцать одинъ пудъ шесть фунтъ здеревомъ всего всякой рыбы палтосины соленой и сухой и раногъ (?) палтусыхъ і семги і трески вѣсомъ триста девшосто шесть пудъ шесть оунтъ, да они дѣти боярскіе сверхъ того положены за десять пудъ извопникомъ богоявленскаго ухострова крестьяномъ иваншкѣ скоморохову стоварыщи ряжено по осми денегъ съ пуда і того шеспатцать рублевъ осмь алтынъ.

при семъ отпускѣ напередъ дано имъ иваншкѣ стоварыщи а то число осми рублевъ четыре алтына“.

Любопытно здѣсь отмѣтить, что въ XVII вѣкѣ людей возили не съ человѣка, а съ пуда...

II.

Подносы Преосвященному Архіепископу.

На этомъ съ бытомъ архіепископа Аѳанасія мы и покончимъ. А затѣмъ перейдемъ къ другому архангельскому архіепископу Варсонофію.

Наблюдательный человѣкъ, зорко вглядывающійся въ бытовую обстановку жизни, въ состояніи подмѣтить, какъ на нашихъ глазахъ мѣняются обычаи и бытовые явленія, какъ одно за другимъ отходятъ въ исторію тѣ или нныя явленія и обычаи, замѣняясь новыми, сами въ свою очередь, когда пробьютъ ихъ часъ, тоже уйдутъ, стануть достояніемъ прошлаго. Эта вѣчная смѣна бытовыхъ явленій будетъ особенно замѣтна, если мы возьмемъ какой либо болѣе или менѣе продолжительный періодъ времени, сто—двѣсти лѣтъ. Вотъ вамъ XVII-XVIII вѣка, и какъ многое въ нихъ для насъ только сказка, только быль, въ которую плохо вѣрится. Какъ много въ нихъ такихъ явленій, которыя въ нашъ вѣкъ вообще немислимы, даже и слѣдовъ которыхъ теперь нѣ слышимъ...

Чѣмъ то страннымъ, не правдали?—вѣтъ отъ фразы „Подносы Преосвященному Архіепископу“... Даже не поймешь хорошо, въ чемъ тутъ дѣло: взятки ли это или что иное?... Нѣтъ, это только подносы—характерная особенность добраго стараго времени, когда русскій человѣкъ вѣками видѣвшій систему „кормленія“ и послѣ ея упраздненія долго все еще шелъ съ подносами къ сильнымъ міра сего. „Подносъ“—это далеко не всегда взятка—это просто обычай подносить, дѣлать подарки просто такъ, „въ почестъ“, безъ всякой задней мысли задобрить, расположить въ свою пользу. Правда, къ архіепископу, къ воеводѣ шелъ съ подносомъ—взяткой—кто имѣлъ въ нихъ какую-либо нужду, но шелъ и тотъ, кто въ милости воеводекой не нуждался, кто отъ архіепископа былъ совершенно независимъ, онъ шелъ къ нимъ съ под-

«Божь двѣ почести»... Подносы были бытовыми явленіемъ того времени, главное они были въ духѣ времени, и эту такъ времени отбавили веѣ. Если, какъ мы уже видѣли выше, идя къ воеводѣ на поновельке, архіерейскою почтѣ ему «двѣ семѣ свѣжіе» — въ почести — то болѣе чѣмъ вѣроятно, что и воевода, когда шелъ къ архіерейскому, то тоже не съ пустыми руками, но безъ почтоса въ почести.

Эти подносы вообще, почтоса изытки и почтоса въ почести, вѣроятно, также стара, какъ старочеловѣчество, и исторія ихъ въ науку заочно не входить. Для насъ они представляютъ интересъ лишь, какъ бытовое явленіе XVII—XVIII вѣка.

Выше мы видѣли, что архіерейскою Аванасіа отправлялъ въ Москву подносы въ почести. Много лѣтъ спустя другой Архангелогородскій архіерейскою Германъ въ 1735 году въ своей духовной запискѣ, въ кладовой камерѣ за желѣзными дверями все въ изобилии рѣчь въ оставшихся лиценцъ писцовъ въ ларѣ розаго не малое число¹⁾.

Отъ времени одного изъ слѣдующихъ архіерейскою Варсонофія пошла до насъ любопытная тетрадка²⁾, подъ заглавіемъ: «Розетръ, большое число подносовъ, преосвященному Варсонофію архіерейскому Архангелогородскому и Холмогорскому кнѣ, что въ какои рабъ и прочего пошесено тому значить ниже всего, 1742 году», содержаніемъ которой мы и думаемъ занять читателей.

Въ эту тетрадь, вѣроятно, выражающъ въ терминахъ нашихъ дней, пономѣ архіерейскаго дома заносилъсь веѣ подносы, какіе были сдѣланы преосвященному архіерейскому; состоитъ она изъ 48 листовъ въ четверку и обнимаетъ собою еѣ нѣкоторыми пропусками 1742-ой годъ.

¹⁾ Описание докум. и дѣлъ Св. Синода т. XV за 1735 г. ст. 99—910

²⁾ Считается своимъ долгомъ выразить свою благодарность за представленіе этой рукописи въ наше временное изданіе владѣльцу ея — глаголю Холмогорскаго собора В. А. Озерову.

³⁾ Приносимъ краткія біографическія данныя объ армян. Варсонофій. Родился онъ въ г. Оракъ въ 1694 г., а воспитаніе получилъ въ Москвѣ; на 20-мъ году жизни принялъ монашество въ Соловецкомъ монастырѣ и здѣсь же былъ возведенъ въ санъ іеромонаха. Потомъ указомъ взять была «въ славный немецкой монастырь» въ Пѣтербургъ и «при Его Величествѣ (Петрѣ I) служилъ во флотѣ», участвуя въ двухъ «компаніяхъ» сначала на кораблѣ «Аревалъ», потомъ на «Ингерманландѣ». Въ 1720 году Варсонофій былъ назначенъ архимандритомъ въ Соловецкій монастырь, «дѣлѣ и начальствовалъ онъ двадцать годовъ». Въ 1733 и 1735 г. г. онъ былъ членомъ Св. Синода, а въ 1736 г. по случаю пожалованія Императрицей 1000 рублей всеѣ братія Соловецкаго монастыря въ милостивно-имѣль (9 апрѣля) аудиенцію у Государыни, «которая милостивно изволила принять у него святуу икону селенскихъ чудотворцавъ и фонарь, а онъ архимандритъ за милостивную Ея Величества денежную причину въ монастырь благодарствовалъ» (Опис. док. и д. Св. Синода т. XVI ст. 178—179.). Въ 1740 г. 13 июля послѣ двухлѣтней предъ служенія при Высочайшемъ Дворѣ Варсонофій хиротонисованъ былъ въ епископа Архангелогородскаго и Холмогорскаго, но оставался въ Пѣтербургѣ до 1741 года, въ которомъ будучи пожалованъ архіерейскою и уѣхалъ въ Холмогоры. При этомъ преосвященномъ каменный домъ, въ которомъ онъ жилъ, былъ занятъ Брауншвейгскимъ семействомъ, и онъ принужденъ былъ переселиться въ возобновленный имъ Свасо-Прилуцкій монастырь, недалеко отъ Холмогоръ⁴⁾ Варсонофій въ Холмогорахъ 8 ноября 1750 года, 63 лѣтъ. Епархіей управлялъ 10 лѣтъ и 3 мѣсяца. Надпись подъ «персоной» Варсонофія на еѣ гробницѣ въ Холмогорскомъ соборѣ такъ аттестуетъ еѣ личность:

«Отмѣнный былъ онъ право удець дѣлъ духовныхъ,

Столбъ благочестія, расколосъ истребитель,

И наблюдатель творѣ преданіевъ церковныхъ,

Умножитель наукъ и школь любителей,

Заступникъ обданныхъ, правды защититель ревнивъ,

Отець убогимъ, немущимъ, сиротамъ.»

Для освѣщенія одной изъ сторонъ быта архіереевъ нашей епархіи въ XVIII вѣкѣ эта тетрадка является весьма интереснымъ документомъ, но въ то же время она имѣетъ и болѣе широкое значеніе, какъ матеріалъ вообще для бытовой исторіи того времени.

Переходя къ разсмотрѣнію содержанія ея, мы прежде всего отмѣтимъ, что подносы архіереевскому дѣлались почти каждый день, но особенно обильны были они передъ праздниками и въ праздники, а также въ дни прѣзда архіепископа изъ Холмогоръ въ Архангельскъ и изъ Архангельска въ Холмогоры, когда съ подносомъ въ почестъ шло къ архіепископу и соборное духовенство, и представители городского управленія, бургомистры „сѣтоварыици“, и простые обыватели, желавшіе засвидѣтельствовать свое почтеніе архіепископу... подносомъ въ почестъ стерляди или пары щучекъ живыхъ...

По качеству и ко причеству подносы были весьма различны. Такъ, напр., Маркушевскаго монастыря игумень поднесъ 20 карасовъ 3 леща, коровья масла ведро вѣсомъ полтора ведра мурошки (морюшки) да рыжики, ведро, куриныхъ яицъ сырыхъ 50^т.

а „Архангелогородской портовой таможи канцеляристъ Федоръ Протопоповъ поднесъ одну стерлядь“.

Несли архіепископу самыя разнообразныя продукты. Чаще всего это была рыба, особенно свѣжая:

„Бжецкой трети Хаврогорской волости священникъ Іоаннъ поднесъ двѣ щуки живыя“.

„Окологородной Мудьюжской волости священникъ Іванъ поднесъ семгу вѣсомъ десять фунтовъ“.

„Соловецкаго монастыря слуга Яковъ Семеновъ поднесъ 5 щучекъ живыхъ“.

„Николаевской архимандритъ поднесъ живой рыбы три щучки, два налима, два окушка“.

изъ соленой рыбы—налтоса и треску:

„Шуерѣйской волости крестьяне поднесли налтоса соленого вѣсомъ 2 нуда, да ведро тресковыхъ языковъ“.

Тое же волости Сидоръ съ товарищи налтоса соленого вѣсомъ 2 нуда да двѣ трески соленыя вѣсомъ 30 фунтовъ“ и т. д.,

но въ качествѣ подноса бывали и другіе припасы, напр., упомянутый выше игумень Маркушевскаго монастыря подноситъ масло коровье, морюшку, рыжики и яйца.

„Кеостровскій волости священникъ поднесъ свѣжей капусты 60 кочней да двѣ щуки по 3 четверти да налимъ въ аршинъ“.

„Архангельскаго монастыря архимандритъ Іосифъ поднесъ сазана съ черевомъ, шброю въ 3 четверти да икры осетровой 6 фунтовъ“.

„Федоръ Цыриковъ поднесъ муки крупичатой четыре нуда“.

„Сѣйской медвѣдницы прикащикъ Василей поднесъ сырыхъ яицъ 120^т“.

„Отъ города рожественской церкви дяконъ поднесъ огурцей соленыхъ сто“ и т. д.

Особенно часто и много подносили архіепископу „вотки“: простой, релеского, краснаго, „аглинскаго секту“ и др.

„Архангельскаго собора отъ ключаря съ товарищи (поднесенъ ведро вотки“.

„Львинской волости отъ сотника съ товарищи вина простого два ведра“.

„Приезлано отъ Важенина вина простого три ведра“.

„Отъ Макарова¹⁾ поднесено меду варенаго поланкирка“

„Иванъ Звягинъ поднесъ лапитку (?) шесть бутылокъ да уксуу ренскаго тусока“.

„Важескаго уѣзда устьянской введенской волости священникъ Сифъ да подвинской четверти шиленской волости дяконъ Лука поднесли вина простого полведра“ и т. д.

Въ томъ, что архіепископу подносили „вотки“ цѣлыми вебрами, нѣтъ ничего удивительнаго. При простотѣ тогдашнихъ нравовъ и обычаевъ это вовсе не казалось страннымъ, и, напр., правда, немного раньше Великому Господину и Государю всесвятѣйшему куръ Адриану архіепископу Московскому и всея Россіи і всѣхъ сѣверныхъ странъ патріарху—анкирекъ ренскаго добраго“²⁾.

Въ большинствѣ случаевъ, подносы представлялись архіепископу лично, но иногда и присылались:

„Отъ Николаевскаго архимандрита прислано живыхъ 40 канбалъ“.

„Изъ Глынова (Хлынова)? отъ купца Ивана Толмачева прислано меду сырцу 2 пуда да анкирекъ вотки въ полтора ведра да простого пять ведеръ“;

или подносившіе пользовались пріѣздомъ архіепископа въ ихъ приходъ:

„Въ бытность на Троицкомъ Ухтоостровѣ поднесли священники съ причетники живой рыбы 5 щукъ по три четверти, 4 язя по двѣ четверти, 2 леща по три четверти.“

Тое жь волости крестьяне поднесли 12 карасовъ живыхъ по три вершка, 4 подъяка по двѣ четверти да леща въ три четверти.

„Церкошной прикащикъ 2 бутылки вотки да 2 бутылки жь вина простого“.

Среди подносчиковъ мы встрѣчаемъ и архимандритовъ всѣхъ монастырей и духовенство самыхъ отдаленныхъ приходоу, даже изъ Кольскаго и Мезенскаго уѣздовъ, но больше всего приходилось ходить съ подносами Архангельскому и Холмогорскому духовенству и причтамъ околородныхъ приходоу, для которыхъ эти подносы были, вѣроятно, не совсѣмъ то легкой повинностью.

Но съ подносами являлись къ архіепископу не одни только подначальные его люди: духовенство, чиновники его канцелярн, крестьяне и посадскіе, т. е. тѣ, кто имѣлъ въ чемъ либо нужду, желалъ путемъ подноса расположить въ свою пользу архіепископа, но и лица совершенно постороннія:

„Архангелогородской бургомистръ съ товарищи поднесли бѣлаго боченка въ полтора анкирка да сенту поланкирка да рыбы живой 2 щуки 6 окуней 6 лзей“. Въ другой разъ тотъ же бургомистръ съ товарищи поднесли „анкирекъ ренскаго крѣпкаго да поланкирка бѣлаго сладкаго“.

„Портовой таможни Василей Шабунинъ поднесъ ренскаго поланкирка“.

„Архангелогородскаго полку аудиторъ поднесъ осетра“ и даже самъ

¹⁾ Андрей Макаровъ былъ секретаремъ домовой архіерейской канцелярн.

²⁾ Ев. Бурцевъ. Изъ документовъ Архангельской Духовной Семинарн М. 1900 года стр. 21.

„Господинъ вице-адмиралъ прислалъ десять бутылокъ англійскаго секту“¹⁾.

Съ подносами у архіепископа бывали и писемцы:

Писемецъ Бахмать понесъ бѣлого поланкирка да краснаго поланкирка самого добраго“.

„Отъ писемца Михаила Ісаевича Кенуса поднесено секту англійскъ“.

Подносы дѣлались не только отдѣльными лицами, но и „съ товарищи“, вкладчину и наконецъ отъ цѣлыхъ корпорацій:

Губернскаго канцелярїи канцеляриста поднесли секту поланкирка“.

Въ общемъ итогѣ все эти подношенія составили замѣтную доходную статью архіепископа, и, напр., частыя подношенія „ветки“ всехъ сортовъ, вѣроятно, убавляли его отъ необходимости покупать эту любимую сердцу соотечественниковъ и въ прошломъ и въ настоящемъ принадлежность столоваго обихода.

Трудно сказать, достигали ли вообще своей цѣли тѣ, кто шелъ къ архіепископу съ подносомъ, какъ средствомъ предложить глѣвъ на милость... Но только видѣ-ли... Архіепископъ Варсонофій твердо „шелъ торжестою жестокости безмѣрной“ и даже, по словамъ столь осторожнаго въ своихъ сужденіяхъ и заключеніяхъ изслѣдователя архангельской старины, какъ І. М. Сибирцевъ, „въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно въ первые годы своего правленія, обнаруживалъ дѣйствія особой прощальной жестокости“.²⁾ Сколько архангельскій протопопъ „съ товарищи“ ни подносили архіеп. Варсонофію ведеръ и анкирковъ „ветки“, однако, онъ „сковавъ ихъ неизвѣстно за что въ желѣза, волочилъ по разнымъ мѣстамъ, отягчалъ денежными штрафами и, наконецъ, въ самый день Свѣтлаго Воскресенья заставилъ простоять нѣсколько часовъ босыхъ на снѣгу противъ алтари той церкви, въ которой онъ совершалъ литургію...“³⁾ Жестокіе были въ то время нравы!..

Ан. Поповъ.

Рыбное дѣло.

1) Пошлины на норвежскую рыбу. Въ настоящее время, какъ сообщаетъ „Т.-Пром. Газета“, въ норвежской печати и заинтересованныхъ промышленныхъ кругахъ дебатруется вопросъ объ обложеніи вывозной пошлиной рыбы, скупаемой русскими торговцами-судовладельцами въ Сѣверной Норвегіи (въ Финмаркенѣ и Тромсѣнѣ) въ весенній періодъ лова. Русско-норвежскій договоръ 1838 года опредѣляетъ права русскихъ судовладельцевъ скупать безъ пошлины рыбу у ловцовъ лишь въ періодъ времени отъ 2 (15) іюня до 17 (30) сентября. Между тѣмъ, практика распространила это право и на болѣе ранніе мѣсяцы.

¹⁾ „Господинъ вице-адмиралъ“ - надо думать, в-а. П. И. Бредаль, бывшій въ 1741—1743 г. главнымъ командиромъ надъ Архангельскимъ портомъ. См. С. Огородникъ въ „Исторіи Архангельскаго порта“ СПб. 1875 г. стр. 151—161

²⁾ І. Сибирцевъ. Историческія свѣдѣнія изъ церковно-религіознаго быта г. Архангельска въ XVII и первой половинѣ XVIII вѣка Арханг. 1894 г. Стр. 124.

³⁾ Тамъ же.

русские судовладельцы обыкновенно съ доставкой нѣмъ послѣдняго груза въ Архангельскъ уходить на зимовку въ Норвегію, откуда возвращаются съ открытіемъ навигаціи, закупивъ у финмаркскихъ и трондхемскихъ лодцовъ соответственное количество рыбы. Подобное положеніе дѣла вызываетъ неудовольствіе норвежскихъ купцовъ, считающихъ, что вольный сбытъ русскими судовладельцами рыбы наноситъ ущербъ норвежской торговлѣ. Дѣло въ томъ, что время весенняго дова чрезвычайно благоприятно для сушки на берегу рыбы, которая, въ дѣйствиіе невысокой сравнительно температуры, не успѣваетъ портиться. Сушеная же рыба въ довольно большомъ количествѣ и по хорошимъ цѣнамъ экспортируется въ Италію и Пенсаію. Естественно, что закупка на мѣстѣ сырой рыбы русскими торговцами можетъ нѣсколько отразиться на барышахъ норвежскихъ купцовъ. Обратной совершенно точки зрѣнія держатся норвежскіе промышленники-лодцы. Для нихъ присутствіе русскихъ на промыслахъ является гарантіей болѣе или менѣе правильной цѣны на продуктъ и залогомъ сбыта неспытленной рыбы. Интересно отмѣтить постановленіе собранія варденскаго общества рыбаковъ, вынесенное 8 февраля текущаго года. Въ постановленіи говорится, что обложеніе вывозимой изъ Финмаркена рыбы какимъ-либо сборомъ приведетъ только къ тому, что налогъ этотъ въ конечномъ счетѣ будетъ оплаченъ самими рыбаками въ виду того, что по условіямъ норвежскаго рыбка на немъ не представляется возможнымъ сбывать малощибные сорта, идущіе въ большомъ количествѣ въ Россію. Въ этомъ смыслѣ русскіе судовладельцы, какъ говорится въ резолюціи, совершенно незамѣнимы какъ дѣломъ, такъ и въ прелусмотрѣнномъ договоромъ весенніе мѣсяцы.

Разногласія между норвежскими купцами и промышленниками обратили на себя вниманіе норвежскаго министра торговли Кастберга, организовавшаго въ 1913 г. рядъ совѣщаній съ участіемъ представителей обѣихъ заинтересованныхъ въ вопросѣ группъ. Результатомъ совѣщанія явилось убѣжденіе, что рѣшенію вопроса въ ту или иную сторону должно предшествовать детальное его изслѣдованіе путемъ опроса возможно большаго числа какъ промышленниковъ, такъ и купцовъ. Если предлагаемая послѣдними мѣра и будетъ проведена, то во всякомъ случаѣ можно ожидать, что сумма обложенія будетъ принята минимальная и врядъ ли обременительная для русскаго судоходства-помора.

Судоходство и водные пути сообщенія.

Электрoфнканія Урала. Однимъ изъ очередныхъ вопросовъ министерства путей сообщенія является вопросъ о сооруженіи воднаго пути черезъ Уралъ. Изъ двухъ проектовъ, которые были предложены, министерство остановилось на устройствѣ воднаго пути черезъ сѣверный Уралъ по рѣкамъ Чусовой, Рѣшетки и Песты.

Этотъ путь черезъ Уралъ является не только болѣе легкимъ въ техническомъ отношеніи, но и имѣетъ, несомнѣнно, болѣе важное экономическое значеніе.

Сѣверный путь печисляется въ 230 мил. рублей. По подсчетамъ инженера Фармана, завѣдующаго изысканіями среднеуральскаго воднаго

го пути, путь этот обойдется всего около 100 мил. руб. Въ то время какъ сибирский путь долженъ проходить по пустынной, малонаселенной и мало исследованной мѣстности, путь черезъ средний Уралъ лежитъ по самой оживленной и богатой части района. Онъ дастъ дешвыя выходы на рынки Европейской Россіи и за-границу сибирскому хлѣбу, онъ пересечетъ наиболее населенную промышленную часть Урала, по его берегамъ расположено восемь горнозаводскихъ округовъ, насчитывающихъ у себя свыше 20 заводовъ.

У этого пути есть еще одно преимущество, на которое теперь же слѣдуетъ обратить серьезное вниманіе и которымъ слѣдуетъ пользоваться. Р. Чусовая со своими многочисленными притоками представляетъ богатѣйшій запасъ неиспользованной водной энергіи. Беря свое начало на восточномъ склонѣ Урала въ Екатеринбургскомъ уѣздѣ, она пересѣкаетъ Уральскій хребтъ, а затѣмъ течетъ параллельно ему и впадаетъ въ Каму въ 14 верстахъ выше г. Пермь. На ея пути расположено цѣлый рядъ заводовъ; что не захвачено ею, то захвачено ея притоками. Въ бассейнѣ Чусовой мы находимъ заводы: Ревдинскій, Шавтанскій, Близимасевскій, Уткинскій, Кышелевскій, Серебрянскій, Кузнецкскій, Бисерскій, Панійскій и др.

Проходя по горамъ, Чусовая на своемъ теченіи образуетъ рядъ пороховъ, число которыхъ на всемъ ея протяженіи достигаетъ свыше 70. Скорость теченія ея, какъ горной, хотя въ тоже время и судоходной рѣки, необычайно велика—до 25 верствъ въ часъ и болѣе. Значительна и высота ея паденій. Если попутно при сооруженіи трансъ-уральскаго воднаго пути для чисто промышленныхъ цѣлей, для получения и передачи электрической энергіи, использовать силу теченія и паденія р. Чусовой, можно получить колоссальный источникъ энергіи. Устроивъ на Чусовой въ наиболѣе подходящемъ мѣстѣ центральную электрическую станцію, представляется возможнымъ передать электрическую энергію почти по всей горнозаводскіе округа средняго Урала. Представляется возможнымъ обслужить электрической энергіей, какъ двигательной силой, заводы, не только расположенныя по теченію р. Чусовой и ея притокамъ, но и заводы, находящіяся отъ нея на весьма значительномъ разстояніи. Такъ какъ осуществима передача тока на 250 миль и болѣе (въ Сѣв. Америкѣ), то можно считать, что въ сферу дѣйствія центральной электрической станціи на Чусовой войдетъ весь средний Уралъ.

Въ настоящее время, когда вопросъ о топливѣ для Урала приобретаетъ зободневный характеръ, примѣненіе къ уральской горнопромышленности благаго угля представляется далеко не праздною затѣей. Желательно было бы, чтобы при сооруженіи трансъ-уральскаго воднаго пути на использование гидравлической силы воды р. Чусовой для цѣлей получения электрической энергіи было обращено должное вниманіе.

Прогнаніи Енисейскаго пароходства. 28-го февраля при министерствѣ путей сообщенія состоялось четвертое засѣданіе особаго междуправительственнаго совѣщанія по вопросу о реорганизации Енисейскаго казеннаго пароходства. Совѣщаніемъ окончательно принято проектъ пожеланія объ Енисейскомъ пароходствѣ, при чемъ управленіе пароходствомъ предположено возложить единолично на управляющаго пароходствомъ подъ общимъ руководствомъ управленія внутреннихъ водныхъ путей и шоссеинныхъ дорогъ. Составляеміе управляющимъ пароход-

новомъ тарифы, планъ дѣйствія, смѣты и отчеты пароходства каждый годъ представляются на утвержденіе министра путей сообщенія. Въ томъ же засѣданіи окончательно рассмотрѣна и установлена смѣта на одновременныя и ежегодныя расходы Енисейскаго пароходства, причѣмъ признано необходимымъ дополнительно къ тремъ существующимъ пароходамъ приобрести еще три новыхъ парохода: одинъ для рейсовъ отъ гор. Красноярска къ низовью р. Енисея и два для рейсовъ въ средней части рѣки Енисея отъ гор. Енисейска до гор. Минусинска, съ тѣмъ, чтобы одинъ изъ послѣднихъ пароходовъ поднимался, въ случаѣ возможности, также до дер. Означенной (120 вер. выше Минусинска) и даже по направленію къ Большому Порогу. Для низовыхъ рейсовъ совѣщаніе признало необходимымъ приобрести, кромѣ существующихъ девяти непаровыхъ лихтеровъ, еще три специальныхъ пассажирско-грузовыхъ баржъ для перевозки пассажировъ въ низовья и обратно и одну грузовую полудорожную баржу грузоподъемностью въ 1.000 тоннъ для перевозки грузовъ, поступающихъ съ морскихъ рейсовъ отъ остр. Посоновскаго (мѣсто перегрузки) до гор. Красноярска. Для рейсовъ на средней части р. Енисея совѣщаніе признало необходимымъ приобрести 4 грузовыхъ баржи; пассажиры же будутъ перевозиться на самомъ пароходѣ, который будетъ содержать до 300 пассажирскихъ мѣстъ. Общій расходъ на одновременныя затраты по рѣорганизации енисейскаго пароходства выразится въ суммѣ свыше миллиона рублей. Предварительная стоимость предполагаемыхъ къ приобретенію судовъ имѣеть быть выяснена на организуемомъ управленіемъ внутреннихъ водныхъ путей и шоссеиныхъ дорогъ совѣщаніи представителей заводовъ.

Изъ торгово-промышленной жизни.

Къ областному кооперативному съезду. На-дняхъ состоялось засѣданіе совѣта вологодскаго общества сельскаго хозяйства, на которомъ, между прочимъ, обсуждался вопросъ о намѣченномъ къ созыву на 1—6 марта с. г. съездѣ представителей кооперативныхъ учреждений восьми сѣверныхъ губерній: Вологодской, Архангельской, Олонецкой, Новгородской, Ярославской, Костромской, Вятской и Пермской.

Въ засѣданіи было выяснено, что 1—6 марта съездъ не можетъ быть созванъ, такъ какъ только въ послѣдніе дни получено разрѣшеніе отъ министерства внутреннихъ дѣлъ на его созывъ, и до 1 марта—для подготовительныхъ работъ, для оповѣщенія кооперативовъ области останетея слишкомъ краткій срокъ, въ который сдѣлать что либо представляется возможнымъ.

Совѣтомъ о-ва вынесено постановленіе, которое въ общихъ чертахъ сводится къ слѣдующему: 1) вернуться созывъ съезда на одинъ изъ осеннихъ мѣсяцевъ текущаго года; 2) ходатайствовать объ отложеніи съезда; 3) оповѣстить кооперативы области, учреждения и лицъ, заинтересованныхъ въ созывѣ съезда, о предстоящей перемѣнѣ во времени созыва съезда.

Надо полагать, что отсрочка съезда не будетъ служить тормазомъ въ подготовительныхъ къ нему работахъ и не охладитъ энергіи коопе-

раторовъ. Связь съѣзда необходимо, и чѣмъ больше времени для подготовительныхъ работъ, тѣмъ богаче онъ будетъ и матеріалами участниками.

Разныя вѣсти.

Изслѣдованіе Колымы. „Н. В.“ сообщаетъ, что министерствомъ путей сообщенія разрабатывается организація рекогносцировочнаго изслѣдованія р. Колымы отъ Верхне-Колымска до Н.-Колымска на разстояніи 1000 верстъ. Изслѣдованіе это необходимо для организаціи рѣчного пароходства, которое будетъ развозить грузы, получаемые морскимъ путемъ въ Нижне-Колымскъ. Рекогносцировочный отрядъ въ составѣ 1 инженера, 2 техниковъ и 10 рабочихъ отправится въ 1914 году въ Олу, перевалить на Семучань и направится до Верхне-Колымска; отсюда до Средне-Колымска будетъ вести маршрутную зарисовку, а дальѣ до Н.-Колымска—рекогносцировочную съемку. Инструменты и провизію, необходимыя для организаціи изысканій, предполагается завезти въ Олу еще текущею зимою.

Въчины мерзлота и борьба съ ней. Главнымъ препятствіемъ успешному заселенію нашего Крайняго Сѣвера была, такъ называемая, „вѣчная мерзлота“. На десяткахъ милліоновъ десятинъ заболоченныхъ площадей въ Сибири и въ особенности на Дальнемъ Востокѣ,—непосредственно подъ моховыми покровами залегають лёдъ въ 30, 40 и больше сажень толщиною, оттаивающій даже лѣтомъ лишь на какихъ нибудь 2—3 аршина, а то и меньше—въ зависимости отъ теплопроводныхъ свойствъ почвы и отъ характера растительности въ той или иной мѣстности. Явленіе это уже неоднократно констатировалось отдѣльными изслѣдователями, но до сихъ поръ всё сообщенія по этому поводу не выходили изъ рамокъ бѣглыхъ замѣтокъ и разрозненныхъ наблюденій. Только теперь трудами вѣдомства землеустройства и земледѣлія вопросъ о вѣчной мерзлотѣ подвергнутъ всестороннему изученію: при этомъ, прежде всего, выяснена граница распространенія вѣчной мерзлоты: начинаясь отъ побережья Ледовитаго океана, у Мезени эта граница переходитъ Печору, приблизительно подъ 65° сѣв. широты, на Уралѣ идетъ нѣсколько южнѣе, затѣмъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, вновь спускается къ Байкалу, доходя на югѣ до Урги; дальѣ она поворачиваетъ на Сѣверъ, пересѣкая рѣку Амуръ немного выше Благовѣщенска, и приходитъ въ сѣверную часть Камчатки. Такимъ образомъ, наблюдается вѣчная мерзлота въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ средняя годовая температура не превышаетъ—1,6° по Ц. Вредъ вѣчной мерзлоты очевиденъ; атмосферныя осадки, просачиваясь въ глубину грунта и останавливаясь на водонепроницаемыхъ слояхъ мерзлоты, чрезмѣрно увлажняютъ почву и образуютъ разжиженную массу, которая постепенно разбухаетъ, увеличивается въ объемѣ и часто разрываетъ всѣ слои почвы, разрушая постройки и другія сооруженія. Нерѣдко мерзлый грунтъ не поддается обработкѣ плугомъ, и огромныя площади пропадаютъ для земледѣльческой культуры. Такимъ образомъ и возникъ вопросъ о томъ, какъ бороться съ вѣчной мерзлотой, какимъ способомъ

дѣлится пониженія ея хотя бы настолько, чтобы температура грунта не вліяла на корневую систему растений.

Съ цѣлью выясненія этого вопроса, главное управленіе землеустройства устроило въ Амурской области сѣть метеорологическихъ станцій и опытныхъ полей, снабженныхъ лабораторіями. Благодаря работѣ этихъ учреждений, въ настоящее время вполнѣ выяснены условія измѣчивости верхняго уровня мерзлоты подъ вліяніемъ температуры воздуха и почвы въ различные времена года, а также возможность пониженія этого уровня путемъ осушки, дренажа, видоизмѣненія растительнаго покрова, особаго примовъ вспашки и т. д. Достигнутые уже населеніемъ, благодаря содѣйствію вѣдомства, благоприятные практическіе результаты въ дѣлѣ этой борьбы учитываются главнымъ управленіемъ, какъ показатель цѣлесообразности мѣропріятій, и въ ближайшемъ будущемъ предполагается расширить сѣть метеорологическихъ станцій и опытныхъ полей, распространивъ ее сперва на соотвѣстныя съ Амурской областью мѣстности, а затѣмъ и на всю Сибирь.

Пунные зоофермы (докладъ А. В. Маркграфа). 10-го декабря А. В. Маркграфъ сдѣлалъ въ дворянскомъ собраніи сообщеніе о пользахъ закладки зоофермы для разведенія цѣнныхъ лисичъ.

Прежде всего докладчикъ упомянулъ о нѣсколькихъ новыхъ возможностяхъ использовать зимніе холода нашей губерніи, такъ сказать, **з**атѣмъ ихъ на пользу хозяйства и промышленности. Затѣмъ подробно остановился—на роли этого холода для полученія высшихъ сортовъ пушнина хозяйственно разведенной: въ частности на разведеніи цѣнныхъ лисичъ: чернобурыхъ и песцовъ. Значительныхъ успѣховъ можно достигнуть, если воспользоваться мѣстными лисичами. Приобрѣсти или добыть ихъ лисенятами и вырастить, а затѣмъ скрещиваніемъ съ чернобурями производителями—улучшить. Последнее теперь сдѣлалось возможнымъ, благодаря тому, что средствами главнаго управленія землеустройства и земледѣлія заложены Лисинскій племинной питомникъ. Есть также прекрасный заводчикъ у князей Путятиныхъ около Бологовской станціи и въ Финляндіи, около Теріоки, гдѣ лисичи чернобурья и соболя разводятся подъ руководствомъ г. Чумцова. Такой способъ разведенія пушныхъ звѣрей требуетъ мало одновременныхъ затратъ отъ предпринимателей и легко можетъ быть воспринятъ мѣстнымъ крестьянскимъ населеніемъ, если земство посредствуетъ этимъ двумя путями: 1) выпискою въ склады проволоочныхъ матеріаловъ, нужныхъ для загражденій предоставленіемъ ихъ хозяевамъ съ разсрочкой платежа; 2) устройствомъ своего земскаго пункта, т. е., небольшого племинного разсадника цѣнныхъ лисичъ, изъ котораго удовлетворять затѣмъ запросы хозяевъ на производителей этой породы.

Указавъ на полную примѣнимость мультипликаціи кролей пушныхъ производителей путемъ искусственнаго размноженія по способу г. Иванова (черезъ посредство Петербургской физиологической лабораторіи *мнѣ внутр. дѣлѣ*), докладчикъ исполнилъ, что такимъ способомъ производительность удесяторится. Разведеніе пушныхъ звѣрей особенно важно для притаежныхъ жителей губерніи и для таежныхъ переселенцевъ. Тѣ и другіе поставлены въ необходимость долго работать надъ тайгой, пока получаютъ сѣнокосы и угодья для сельскаго хозяйства. За это время ихъ постигаетъ подобное промышленное хозяйство и даетъ средства для пережитка критическаго періода. Звѣрываетъ раз-

чистки не нужны. Одно гнѣздо ихъ требуетъ не болѣе 50 квадратныхъ саженъ таежной площади. Между тѣмъ, это даетъ нѣсколько сотъ рублей годового дохода. Г. Маркграфъ иллюстрировалъ свое сообщеніе свѣтовыми картинками изъ снимковъ 300 фермъ американскихъ и русскихъ чернобурныхъ лисичъ и куницъ. Въ частности по свѣтовымъ картинкамъ можно было судить и объ устройствѣ подобныхъ зоофермъ. Чтобы лисичята выращивались въ ручномъ состояніи, Маркграфъ совѣтовалъ вскармливать ихъ подъ ручными матками. Онъ иллюстрировалъ два интересные снимка, гдѣ кормильцами являются собаки. Оно и естественно, если припомнить, что этимъ порядкомъ въ Гамбургѣ заведеніе Гагенбека вскармливаетъ львятъ и тигрятъ ручными. Присутствующіе отнеслись къ докладу съ живѣйшимъ участіемъ, и у нѣсколькихъ лицъ явилось желаніе испробовать самимъ дѣло у себя уже въ настоящемъ году.

Докладъ А. А. Канина. 30-го января въ русскомъ антропологическомъ обществѣ А. А. Канина сдѣлалъ сообщеніе объ антропологическихъ изслѣдованіяхъ поморовъ Кемскаго и Онежскаго уѣздовъ, произведенныхъ имъ минувшимъ лѣтомъ въ рыбацкомъ становищѣ Гавриловка на Мурманскомъ побережьи. Условія для наблюдений были неблагоприятны, такъ какъ населеніе становища отиравилось на рыбный промыселъ, и докладчику пришлось ограничиться антропометрическимъ изслѣдованіемъ лишь немногихъ; всего удалось измѣрить до 80 члвчъ въѣкъ. Полученныя данныя указываютъ, что преобладающій цвѣтъ волосъ поморовъ русый, глаза свѣтлы, а средний ростъ составляетъ въ Кемскомъ уѣздѣ 1.648 мм., а въ Онежскомъ—1.654 мм. Въ отношеніи къ обследованнымъ, число лицъ малаго роста составляетъ 12% въ Кемскомъ уѣздѣ и 27%—въ Онежскомъ. Высота черепа 28 мм. въ Кемскомъ уѣздѣ и 30 мм. въ Онежскомъ; высота лица для обоихъ уѣздовъ 177 мм. Средній головной указатель поморовъ близокъ къ новгородцамъ.

Канинская экспедиція. 25 февраля въ Импер. русск. географическомъ обществѣ сдѣлалъ докладъ объ экспедиціи 1913 года по Канину Носу С. Г. Григорьевъ.

До 1913 г. на Канинъ было снаряжено 6 экспедицій, но ни одна еще не проникла внутрь континента.—всѣ ограничивались прибрежными мѣстностями. Экспедиціи эти суть: 1848 г.—геолога Венша, 1890 г.—этнографа профессора Якоби, 1899 г.—ботаника Рихарда Поле, 1901 г.—гельсингфорскихъ профессоровъ Рамзая и Поштура, 1902 г.—зоологовъ В. М. Житкова и С. П. Покровскаго, 1905 г.—первая экспедиція докладчика С. Г. Григорьева.

Желая стереть бѣлое мѣсто на картѣ Канина, докладчикъ, при содѣйствіи географич. об-ва предпринялъ экспедицію по центральной части Канина полуострова, раздѣливъ ее на 2 года: 1913 г.—средняя и сѣверная часть, 1914 г.—южная часть (лѣсная область).

Экспедиція 1913 г. продолжалась отъ 6 іюня до 2 августа.

18 іюня лѣсъ еще былъ почти совершенно голый.

Невозможное на югѣ явленіе: одновременно зацвѣли ольха, черемуха и рябина.

Морскіе прибои быстро разрушаютъ побережья Канина.

Канинская тундра—ледниковаго происхожденія, изобилуетъ моренами и валунами кристаллическихъ породъ, почти лишенная породъ

идолочныхъ. Она—абсолютно непригодна для поселеній и, сравнительно, чрезвычайно бѣдна полезною дичью: гусей—почти нѣтъ, лебедей—нѣтъ вовсе, утокъ—очень мало (кромя береговыхъ морянокъ, не съѣдобныхъ); рыбы едва хватаетъ на 700 дупъ мѣстныхъ самоѣдовъ; причина, почему самоѣды крайне бояться появленія „вхожихъ“ ртовъ. Палуганнѣ авантюроу г-на Керцелли, самоѣды всячески старались отвлекать вниманіе экспедиціи отъ рѣчекъ, гдѣ есть естественныя разрѣзы горныхъ породъ, полагая, что если экспедиція пойдетъ руды и уголь, то самоѣдамъ придется погибнуть за нехваткою на всѣхъ рыбы и дичи.

Подстилаемая горными массивами Канинская тундра представляетъ собою царство мерзлоты и болотъ; часты туманы и заморозки; луговъ нѣтъ совершенно. Кормовыхъ „моховыхъ“ (ягельныхъ) угодій здѣсь такъ мало, что зимою тутъ нельзя прокормить и десятой доли палочныхъ самоѣдскихъ оленей. „Моховица“, есть болѣе или менѣе значительныя, — только въ южной лѣсной части Канина, куда и приходится откочевывать самоѣдамъ съ оленями.

„Внутри“ Канина—въ средней его части—въ изобиліи, въ теченіе всего лѣта не оттаивающіе, „спѣжники“, миниатюрные ледники.

Зато въ предѣлахъ территоріальныхъ морскихъ водъ—„шипряті“ иностранные траулеры (въ ихъ числѣ одинъ—германскій). Въ общемъ, экспедиція прошла вдоль по Канину, со съемкою, 250 верстъ и собрала значительныя коллекціи по зоологій, ботаникѣ и геологій.

Самоѣды Канина крайне нуждаются въ медицинской помощи, но, конечно, ея не получаютъ.

Всѣ они православные и набожныя; но идоловъ, если и не „почитаютъ“, то все-же „уважаютъ“ (—„на всякій случай“—не ровень часъ!). Честность самоѣдовъ выдающаяся.

Къ „русскому“ Богу самоѣды канинскіе прибѣгаютъ въ „нескихескихъ“ случаяхъ (нравственныхъ, горя и радости), а въ случаяхъ низменнаго матеріальнаго порядка (падежи оленей, неудачныя промыслы и т. п.) ублажаютъ идоловъ, полагая, что это—сфера ихъ компетенціи (сидяевъ, „сіотаевъ“).

Самыя высокія горы Канина—не превышаютъ 200 метровъ (700 фут.)... (Докладъ иллюстрировался діапозитивами).

Въ итогѣ, описанія „богатствъ“ Канина,—столь раздутыхъ г-мъ Керцелли и К^о, обнаруживаютъ, что „знаменитые“ канинскіе „ех-чуть не-компрессіонеры“ богатства эти лишь придумали для отвода глазъ, а рассчитывали на мѣстности южныя и на (дѣйствительныя) богатства омывающаго Канинъ моря, а вовсе не на самый полуостровъ, гдѣ и семи сотнямъ самоѣдовъ не прожить круглый годъ...

Въ экспедиціи принимала участіе супруга С. Г. Григорьева. Въ связи съ этимъ, предсѣдатель, генер.-лейт., профессоръ Ю. М. Шокальскій припомнилъ имена женъ русскихъ изслѣдователей Сѣвера, дѣлвшихъ съ мужьями своими труды и лишения полярныхъ путешествій, и предложилъ въ лицѣ г-жи Григорьевой выразить почтеніе и благодарности русской женщинѣ. Предложеніе это было принято и покрыто единодушными аплодисментами членовъ общества и гостей.

Конференція о Шницбергнѣ. Во время обсужденія въ норвежской палатѣ денутатовъ отвѣтнаго адреса на тронную рѣчь министр иностранныхъ дѣлъ Шлессъ заявилъ, что конференція по дѣламъ Шницбергена состоится въ Христианіи 3 16 юнія. Въ конференціи, по сло-

намъ христіанійскаго корреспондента „Times“, примуть участіе Англія, Германія, Голландія, Данія, Норвегія, Россія, Швеція, Франція и возможно—Соед. Штаты. Три сѣверныхъ державы: Норвегія, Россія и Швеція пошлютъ своихъ представителей на особую предварительную конференцію въ Христіаніи 4 іюня, чтобы составить предложенія объ упрядоченіи положенія дѣлъ на Шницбергенѣ посредствомъ установленія международнаго полицейскаго надзора.

Прошло почти пять лѣтъ, говорить по этому поводу „Times“, съ тѣхъ поръ, какъ норвежское правительство предложило созвать конференцію заинтересованныхъ державъ въ Христіаніи для подробнаго обсужденія вопроса о Шницбергенѣ. Цѣль политическое положеніе этой группы арктическихъ острововъ можетъ быть окончательно установлено. Державы, которыя въ іюнѣ пошлютъ своихъ представителей въ Христіанію—тѣ, которыя отозвались на норвежское предложеніе въ самомъ началѣ. Американцы желаютъ принять участіе въ дѣлѣ въ рукахъ большихъ угольнопромышленныхъ предпріяній въ американскихъ рукахъ. Но въ лобованіи угля заинтересованы также четыре британскихъ общества.

Шницбергенъ пока даетъ преимущественно уголь. Пѣмцы имѣютъ тамъ прекрасную метеорологическую и для безпроводнаго телеграфа станцію.

Вопросъ о надзорѣ за островами уже давно назрѣлъ и естественно касается больше всего трехъ сѣверныхъ державъ: Норвегіи, Россіи и Швеціи, которыя, въ силу ихъ особыхъ интересовъ, согласились представить общей конференціи проектъ соглашения, основаннаго на меморандумѣ правительства. Въ силу этого соглашения,—если первоначальный текстъ будетъ одобренъ на предварительномъ совѣщаніи 4 іюня.—Шницбергенъ будетъ объявленъ нейтральною территоріей, находящейся подъ международнымъ надзоромъ и открытой для всѣхъ націй. Администрація будетъ находиться въ рукахъ комиссіи, составленной изъ трехъ представителей, по одному отъ каждой державы. Расходы по управленію будутъ покрываться земельными и иными налогами, которые будутъ однако устанавливаться съ согласія всѣхъ, примкнувшихъ къ соглашенію державъ, и великій дефицитъ будетъ падать на всѣ эти державы. Предполагается сдѣлать конвенцію, возобновляемую черезъ 18 лѣтъ.